

18+

ВЫБОР
ЭКСПЕРТОВ

R

Плюска и футури
Красный мак

Борис
Пономарёв

ЛОТТЕ РУС
HOTEL & CONFECTIONERY

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЛУЧЕ»
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА
ДЛЯ МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ
И ПОЭТОВ

Rideró

Борис Пономарев

Красный мак.

Плюсквамфутурум

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42623523

ISBN 9785449685179

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эта книга – повесть об удивительном путешествии нашего современника, оказавшегося в 2057 году. Россия будущего является зерновой сверхдержавой, которая противостоит всему миру. Герою повести предстоит железнодорожное путешествие по России в Москву. К несчастью, по меркам 2057 года гость из прошлого выглядит крайне подозрительно, и могущественные спецслужбы, оберегающие Россию от внутренних врагов, уже следуют по его пятам. Организация "Meta Inc." запрещена на территории РФ.

Содержание

Калининград	6
Транзит	61
Молодечно	102
Конец ознакомительного фрагмента.	120

Красный мак Плюсквамфутурум

Борис Пономарев

Редактор Александра Манькова

© Борис Пономарев, 2020

ISBN 978-5-4496-8517-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Одно я скажу правдиво: я буду писать лживо... я буду писать о том, чего не видел, не испытал и ни от кого не слышал, к тому же о том, чего не только на деле нет, но и быть не может. Вследствие этого не следует верить ни одному из следующих приключений.

Лукиан из Самосаты, Правдивая история

...сия рукопись, как то видно из заглавия, есть запись разговоров во сне. В этих рассказах имеется и такое, что стоит послушать, а коли что окажется и не так, то отнеситесь к этому, как к сонному бреду, и не посетуйте на него.

Оросиякоку суймудан
(«*Рассказ сонных видений о России*»),
японская рукопись XVIII века

Калининград

Небо было розовым, вода – бурой, воздух – холодным, а время – предрассветным. Я, вечный студент и вечный странник двадцати семи лет от роду, сидел на бетонных ступенях лестницы, спускавшейся к реке, и вокруг меня был Калининград. В метре передо мною флегматично и невозмутимо текла Преголя, а за спиной уходило в небо здание бывшей Кёнигсбергской биржи. Штукатурка стены была рыхлой от речной сырости.

Прошлым вечером я даже не мог представить, что через десять часов окажусь на берегах реки в глубоком разочаровании. Я отправился в гости к знакомой переводчице с намерениями амурного толка. Зная её характер и трезво оценивая себя, проще было бы сразу идти домой. Вначале мы весело проводили время, распивая коньяк, шутя и беседуя. Увы, в пятом часу утра, в тот самый момент, когда я уже готовился обнять даму за плечо, прекрасное создание с чёрными волосами сказала мне, что отправляется спать, и если я хочу, то могу допить коньяк и постелить себе в гостиной на диване. Глубоко разочаровавшись в своих способностях дамского угодника, но всё ещё сохранив чувство собственного достоинства, я попрощался и направился к реке любоваться красками предрассветной зари.

Что-то было неладное в моей жизни. Она совершенно

не двигалась, а если это всё-таки происходило, то результат чаще всего разочаровывал меня. Не получалась учёба: за неполные девять лет я поступал три раза в университеты и один раз в колледж. К сожалению, природная лень перетягивала чашу экзаменационных весов, и я раз за разом покидал стены учебных заведений. Не складывалась карьера: все те подённые, без трудовой книжки, работы со скудными зарплатами вызывали у меня лишь отвращение и пожелание скорейшего разорения для фирм. И, что сейчас было обиднее всего, совершенно не ладилась личная жизнь: с положением двоечника без нормальной работы я ещё мог смириться, но женский подчёркнуто унижающий отказ бил ниже пояса почти в прямом смысле. Моя жизнь разваливалась по всем фронтам, и в этой ситуации мне оставалось только любоваться рассветом и допивать коньяк. Глядя с бутылкой «Старого Кёнигсберга» в руках на руины своего несостоявшегося бытия, я ощущал себя Нероном, который любовался на горящий Рим, сопровождая себя игрой на лире.

Над крышами домов справа готовилось взойти солнце, приветствуя своим появлением последний день октября. От воды ощутимо тянуло прохладой, и я плотнее запахнул куртку-ветровку. На дне бутылки оставался последний глоток.

– Кёнигсберг старый, – зачем-то сказал я вслух избитую временем фразу, – но приключения всегда новые.

Конечно, встреча осеннего рассвета была далеко не тем

новым приключением, на которое я рассчитывал. На душе было пусто и печально.

Облака на горизонте окрасились в пронзительно-фиолетовый цвет. Восходящее, ещё скрытое от меня домами на горизонте, солнце в считанные мгновения залило весь мир вокруг меня тёплым янтарно-медовым светом, наполняя им всё от воды и до неба. Пусть я его не видел, пусть оно было скрыто от меня, но где-то там, вдалеке, солнце было, и всё вокруг – деревья, ещё сохранившие последнюю листву, оранжевые от рассвета оконные стёкла, мерно текущая Преголя, Кафедральный собор по ту сторону реки и биржа позади меня, – словом, всё было заполнено мягкой теплотой осеннего рассвета. Всё, кроме меня самого. Я с грустью замер, поставив на лестницу совершенно не нужную в этом мгновении бутылку. Удивительная тонкость этой минуты напомнила мне снежинку, исчезающую даже от дыхания.

– Остановись, мгновенье, ты прекрасно, – попросил я, ощущая грусть от невозможности соприкоснуться с чудом рассвета. Мне хотелось навсегда остаться в этой минуте, как крошечный жучок в янтаре, но я ощущал, что это невозможно. Рассвет был слишком чист для меня.

Мягкое, тёплое свечение, залившее на одну минуту город под облаками, угасло, словно его и не было. Вдалеке, над домами, ярко блеснула тонкая огненно-рыжая полоска восходящего светила. Несколько секунд я и солнце смотрели друг на друга, словно здороваясь в этот удивительный осенний

день.

– На рассвете ты не слепишь, – сказал я солнцу. Оно не ответило мне.

Наверное, это было и к лучшему. Вздохнув, я взял в руку бутылку коньяка, желая поставить точку в сегодняшней ночи и возвратиться домой, пусть без щита, но и не на щите. Мне было очень грустно от ощущения того, что жизнь, подобно этому рассвету, проходит мимо меня.

– Доброе утро, – внезапно сказал кто-то. Я оглянулся.

На верху лестницы в нескольких метрах от меня, стоял очень высокий мужчина, одетый с головы до ног в одежду исключительно чёрного цвета. Незнакомец с тонкими аристократическими чертами лица выглядел не просто элегантно, но подчёркнуто элегантно, и эта подчёркнутость ощущалась во всём. Светлые волосы таинственного Человека в чёрном были подстрижены ровно и аккуратно; его безупречное однобортное пальто и брюки из очень дорогой ткани дополнялись такой же первоклассной обувью. Идеально вычищенные полуботинки всем своим видом словно бросали вызов окружающей октябрьской сырости и прошедшим ливням. Его рука держала чёрный кожаный саквояж. В окружающей нас обстановке незнакомец выглядел чересчур идеально. Определить его возраст я затруднился; незнакомцу было где-то от тридцати пяти до сорока пяти лет.

– Доброе утро, – несколько настороженно ответил я. Моя память немедленно извлекла из своих архивов воспомина-

ние о том, как давным-давно на втором курсе своего первого университета я и трое моих друзей пили красное вино в уютном палисаднике, из которого нас хамским образом выгнал жилец с первого этажа.

– О нет, я не буду протестовать по поводу распития спиртных напитков в общественном месте, – прекрасно поставленным голосом сказал незнакомец, спускаясь по лестнице. Безукоризненное произношение Человека в чёрном почему-то показалось мне таким же пугающим, как и его идеальный костюм. – Нет ничего дурного в том, что человек, встретивший столь прямолинейный отказ со стороны дамы, будет испытывать некую потребность в коньяке.

– По мне это так видно? – спросил я, опираясь на ступеньку, чтобы подняться.

– Прошу вас, не вставляйте, – склонив голову, сказал Человек в чёрном, садясь рядом со мной.

– Вам не жаль ваши брюки? – спросил я неожиданно для себя.

– Нисколько. Меня больше занимает вопрос, не жаль ли вам себя? – ответил он. Мне показалось, что в его вопросе скрывается некий подвох.

– Жаль, – сказал я. – Очень жаль. Однако должен признаться, что меня определённо пугает ваша осведомлённость...

Даже в этой удивительной ситуации я не мог себе позволить ударить в грязь лицом перед этим таинственным госпо-

дином без страха и упрёка. Мне было не под силу мгновенно протрезветь или хотя бы вычистить свои ботинки (для этого мне пришлось бы опустить их в Преголю и поболтать ногами), но моё красноречие оставалось при мне даже в такой обстановке. От мысли предложить незнакомцу коньяк я, подумав, отказался. Последний крошечный глоток, что плескался на дне бутылки, мог выглядеть неуместно и даже оскорбительно.

– Пусть это пугает вас меньше всего, – сказал Человек в чёрном. – Я не читаю мысли людей без приглашения. Ваши же были, фигурально выражаясь, просто на виду...

Я внимательно посмотрел на моего собеседника. Наверное, я зря выпил столько коньяка. Скорее всего, белая горячка приходит к интеллигентам именно в виде столь безупречно одетого и прекрасно воспитанного джентльмена, который словно только что вышел из палаты лордов британского парламента.

– ...однако я замечу, – тут же продолжил он, – что *delirium tremens*¹ проявляется спустя два-три дня после прекращения обильного и длительного употребления горячительных напитков, а не сразу же после бутылки коньяка, да ещё разделённой на двоих.

– Я тоже об этом подумал, – сказал я, – но в таком случае у меня не остаётся никаких предположений о том, кто же вы. Впрочем, возможно, вы дьявол?

¹ Белая горячка (*лат.*)

– Упаси боже, – негромко сказал Человек в чёрном, улыбаясь одной половинкой лица. В его глазу блеснула искра.

– Вы очень неожиданно появились на рассвете, подобно деннице, – пояснил я, – причём в тот момент, когда я был готов просить мгновение остановиться. В этом было что-то мефистофельское.

– О, – сказал Человек в чёрном, выражая своим видом некоторое разочарование. Наверное, так джентльмен викторианской эпохи отреагировал бы на дождь в день запланированного турнира по гольфу. – Здесь есть небольшое затруднение. К моему сожалению, я не могу подобрать должной метафоры для того, чтобы пояснить, кто я, поскольку нормальное человеческое сознание не располагает таким образным рядом. Как следствие, сказанное мною будет весьма проблематично осмыслить без пагубных последствий для этого самого сознания...

Незнакомец прервался.

– Этот разговор, – продолжил он другим тоном, – хорошо вести в джентльменском клубе, у растопленного камина, с чашкой кофе в руке... А здесь от реки тянет утренней сыростью, и обстановка не столь располагает, поэтому давайте перейдём к делу.

– Я весь внимание.

Человек в чёрном пристально посмотрел на меня.

– Полагаю, что вы сегодня не заняты? – спросил он. Этот вопрос был задан словно невзначай.

Я коротко кивнул. В прошлом месяце я пересдал на осенней комиссии социологию и теперь мог позволить себе немного расслабиться до декабря. Что же касается книжного магазина, в котором я работал всё лето, то, к моему сожалению, он закрылся ещё в августе, и новой работы с тех пор я не нашёл. Таким образом, я более чем располагал временем.

– Превосходно. Вам не кажется, что ваша учёба в университете несколько затянулась?

– Этим вопросом, – чуть помедлив, ответил я, – вы напомнили мне одного проректора, которому я имел честь пересдавать на комиссии экзамен. Он так у меня и спросил...

– С таким прекрасным ответом неудивительно, что вы смогли тогда остаться в университете, – чуть улыбнувшись, сказал Человек в чёрном. – Но на следующей сессии это вас не спасло. Так всё же?..

– К сожалению, у меня не ладится вся моя жизнь, поэтому мне больше ничего не остаётся делать, – ответил я истинную правду. – На учёбе хотя бы весело.

– Этот ответ уже ближе к тому, что я ждал, – снова чуть улыбнулся мой собеседник. Меня насторожила его мимика. В ней крылся какой-то подвох. – Так вот, я предлагаю вам учёбу в куда как более жизненных университетах.

– Я готов, – сказал я. Тон Человека в чёрном был неуловимо лукав, и я позволил себе тоже немного пошутить. – Когда экзамены? Как опытный студент, я готов сдать их хоть сейчас, только лишь допью остатки коньяка. Мне разве что

понадобится методичка...

В глазах Человека в чёрном блеснули две искры. Кажется, он оценил мою шутку.

– Я хочу предложить вам одно путешествие, – сказал он чуть помедлив. – Если быть точнее, то целых два путешествия. Не исключаю того, что это покажется пугающим, но... В общем, я хочу предложить вам отправиться в Москву будущего.

– Что, простите? – переспросил я.

– В Москву будущего, – любезно повторил Человек в чёрном. — Я планирую переместить вас, разумеется, с вашего согласия, в будущее на сорок лет и четыре часа, в 31 октября 2057 года. К сожалению, путешествовать в Москву вам придётся самостоятельно. Перенести вас прямо в столицу я не могу: за пределами нашего края мои полномочия несколько ограничены, поскольку я – лицо сугубо неофициальное.

Ощущение нереальности происходящего абсурда усилилось до крайности. Этого не могло быть, потому что этого не могло быть. Меньше чем в метре от меня сидел совершенно настоящий Человек в чёрном, и предлагал мне невозможное.

Внезапно я почувствовал себя актёром спектакля, который надевает корону из папье-маше или берёт в руки деревянный меч, превращаясь в великого короля или храброго рыцаря в чёрных доспехах без герба. Это было незнакомое, но весьма приятное ощущение.

– Наверное, вы мне кажетесь, – произнёс я немного помолчав.

– Отнюдь, – веско возразил Человек в чёрном. – Как я уже говорил, просто считайте эту поездку ещё одним университетом в вашей жизни. Я могу заверить, что впечатления от поездки смогут подвигнуть вас на что-то грандиозное. Как минимум, они отвлекут вас от грустных мыслей о несовершенстве этого мира. Вы ощутите непосредственное бие-ние жизни, от которой вы, как ни прискорбно это констатировать, несколько оторваны. Насколько я знаю, одно время вы учились на историческом факультете?

– Было и такое. Я провёл там целых полтора года, пока меня не выгнали из-за несданной физкультуры.

– Любому историку, – сказал Человек в чёрном, чуть склонив голову, – впрочем, как и любому человеку, будет бесполезно заглянуть в будущее и посмотреть оттуда на своё настоящее. Я полагаю, вы согласны?

– С вашим утверждением, или с предложением путешествия?

– С предложением путешествия, конечно же. К слову, я могу остановить для вас мгновение, выполняя ваше желание, загаданное на рассвете, но предупреждаю, что это не принесёт вам того, чего вы желаете. Участь маленького жучка в янтаре достаточно печальна.

Я внезапно ощутил, что у меня нет другого выхода, кроме как принять вызов судьбы. В самом деле, я мог сейчас встать

и, вежливо попрощавшись, пойти домой, однако я отчётливо почувствовал, что это будет таким же нарушением правил, как два хода подряд в шахматах. Так было нельзя. Я честно просил у жизни новых приключений, и вот теперь, когда они ко мне явились, было бы поздно давать задний ход. Если сейчас я отвечу отказом, твёрдо понял я, то до конца своих дней буду ругать себя. Гамлет не мог пойти и убить Клавдия, выслушав тень своего отца. Король Лир не мог просто так взять и разделить своё наследие между дочерьми. Я не мог отказаться от предложения Человека в чёрном.

– Хорошо, – сказал я после паузы. – Я согласен.

– Прекрасно. Я не сомневался ни минуты.

Человек в чёрном открыл саквояж, расстегнув большую серебряную пряжку, на которой был изображён крупный герб с рельефным лосиным рогом.

– Для путешествия вам понадобятся деньги и документы, – заботливо предупредил он, извлекая из саквояжа красный загранпаспорт, из которого торчала вложенная синяя банкнота. – Можете считать это вашей методичкой, что вы у меня просили. Думаю, с учётом цен, двадцати евро вам хватит. Держите.

Чуть дрогнувшей рукой я взял загранпаспорт и деньги.

– Ничего не бойтесь в дороге, – сказал человек в чёрном, застёгивая с глухим щелчком пряжку саквояжа. – На нашей земле я помогу вам, а в большой России у вас появятся другие покровители, хотя, конечно же, не столь могуществен-

ные, как я.

Это напутствие насторожило меня. Я внимательно посмотрел на моего собеседника, тщетно стараясь понять смысл его слов. Лицо незнакомца было непроницаемо в своей доброжелательности.

– И, прошу, никогда не забывайте вашу родину. Так сказать, *die Heimat* *unfergessen*², – мой собеседник слегка склонил голову. – Вам это о чём-говорит?

– По крайней мере, я могу это перевести. Я пытаюсь учить немецкий вот уже двадцать лет. Правда, не скажу, что особенно получается.

– Думаю, этого будет вполне достаточно в предстоящем путешествии. Однако я отвлёкся. Я приду за вами тогда, когда без меня будет уже не обойтись, – многозначительно сказал Человек в чёрном, поднимаясь со ступеньки лестницы. – Счастливого пути.

– Одну минуту, – сказал я, убирая паспорт и деньги во внутренний карман куртки, и тоже вставая. Ноги, затёкшие от долгого сидения, кольнуло. – Как же вы меня перенесёте в будущее?

– А я не буду вас переносить, – сказал Человек в чёрном, на этот раз широко улыбаясь мекфистофельской улыбкой во всё лицо. – Вы уже в нём.

Не до конца понимая его слова, я замер на несколько секунд, после чего повернулся направо.

² Родина не забыта (нем.)

Красок акварельного рассвета не было. Давно поднявшееся над домами солнце скрылось в плотном слое белых облаков. Город шумел дневными звуками автомобильных моторов и голосов людей. Медленно и сонно текла Преголя, и возвышался на острове Кафедральный собор.

– А скажите... – повернувшись, я попытался обратиться к Человеку в чёрном и замер. Его не было. Я стоял на лестнице у воды в полном одиночестве.

Река плеснула волной у моих ног. Пролетающая чайка пронзительно крикнула, не то приветствуя меня, не то требуя кусочек хлеба.

Я вытащил из внутреннего кармана телефон и обмер. 31 октября 2057 года, 11:58, две минуты до полудня. Четверг. Сеть не найдена.

Я закрыл глаза, и, выждав пять бесконечных секунд, открыл их снова. Ничего не изменилось, за исключением того, что с меня слетели все остатки коньячного наваждения. Вместе с ним пропало безумное чувство авантюризма, заставившее меня сказать «да» Чёрному человеку. Что я наделал? Что это вообще было? Где я?

– Так, – сказал я сам себе и задумался. Было ужасно трудно собрать разбегающиеся мысли в единый поток.

Лестница, стена биржи, река, собор и эстакадный мост выглядели точно так же, как и в утро янтарного рассвета. Наверное, Человек в чёрном мне просто привиделся под влиянием алкоголя. Подобные случаи были описаны в медицин-

ской литературе. Возможно, что коварная переводчица прошлой ночью перевела мне дату и время на телефоне. Этого тоже можно было ожидать. Ну, а сеть просто не нашлась по техническим причинам. Я заканчивал последнюю мысль, когда её обогнала следующая, более неприятная: можно думать всё, что угодно, но это никак не изменит того, что пять минут назад я беседовал с Человеком в чёрном, который перенёс меня в будущее.

Деревянными пальцами я убрал телефон в карман куртки, наткнувшись там на загранпаспорт. Я вытащил его и тупо уставился на красную книжечку. Я отчётливо помнил, что вчера не брал с собой ни загранпаспорта, ни торчащей из него синей банкноты. С другой стороны, анетроградная амнезия представлялась мне лучшим вариантом, чем таинственные люди в чёрном, порождённые не то собственным подсознанием, не то силами ада.

Я ещё пытался внушить себе эту мысль, когда мой мозг уже начал осознавать, что с загранпаспортом что-то не то. Прямо под золотистым гербом в виде двуглавого медведя, помещённого между двумя изгибающимися снопами пшеницы, шла надпись:

Российская Федерация
Паспорт международного образца
Russian Federation

Почувствовав, что у меня подкашиваются ноги, я медленно сел обратно на бетонную ступеньку лестницы и открыл

паспорт. На первой же странице было написано:

Российская Федерация
Москвы
Санкт-Петербурга
Исламского Государства Северного Кавказа
И всей остальной России

Очень осторожно, словно опасаясь тайн, которых этот документ мог скрывать, я перевернул страницу. Это был паспорт, выданный на моё имя. Фотография тоже была моей. Я хорошо помнил этот кадр: именно на нём, если сравнивать с другими моими фото на документах, я выглядел лучше всего. Правее шли строчки с моими же именем и фамилией. Единственным, что изменилось, были даты рождения и выдачи паспорта. Они аккуратно сдвинулись на сорок лет вперёд: если верить этому документу, я родился в 2030 году.

Отчего-то у меня ужасно начали дрожать руки. Я открыл паспорт на последнем развороте, где лежала банкнота. Всю страницу заполнял большой штамп:

ПАСПОРТ МЕЖДУНАРОДНОГО ОБРАЗЦА
ВЫДАН ПО ЛИЧНОМУ РАСПОРЯЖЕНИЮ
АВГУСТЕЙШЕГО ПРЕЗИДЕНТА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дрожащей рукой я закрыл документ и упёрся взглядом в банкноту. По счастью, в ней не было ничего нового. Я провёл подушечкой большого пальца по изображению готической арки, ощущая неровности краски. Из всех видов купюр,

что имеют хождение в Европе, больше всего мне нравилась двадцатиевровая. Её благородный синий цвет и очертания стрельчатых готических окон обычно настраивали мою душу на возвышенный лад, показывая, что эстетика бывает важнее номинала, но сейчас мне было совершенно не до этого. Перед тем, как убрать паспорт в карман, я ещё раз посмотрел на его обложку. Ничего не изменилось. Два снопа пшеницы обрамляли двуглавого медведя.

Нет, это точно не мистификация, сказал я себе. Одно из двух, или мне это снится, или я в будущем. В обоих случаях, надо что-то делать.

Вздохнув, я осторожно начал подниматься по лестнице вверх. Там не оказалось ничего сверхъестественного: никто не пролетел надо мною на звездолёте и не выстрелил в меня из бластера. Я оказался на набережной. Чуть поодаль сходились прямым углом два девятиэтажных панельных дома, издавна стоящих здесь и знакомых мне ещё с раннего детства. В одном из них, на последнем этаже я вчера – или сорок лет назад – пил коньяк с переводчицей, а потом, поникнув духом, спускался по бесконечно долгой лестнице вниз. Сейчас дома были выкрашены в приятный пастельно-зелёный цвет. На обочине дороги стояли десять припаркованных «жигулей» в ряд. Я изумлённо вгляделся в них. Столько российских машин одновременно я видел только по телевизору. Сейчас передо мной шеренгой стояли десять отечественных автомобилей, среди которых я увидел сразу две «девятки»,

белую и вишнёвую. Почему-то на вишнёвой не было номерного знака. Судя по всему, их возраст не превышал нескольких лет. Остальные три модели я узнал только по логотипу. На каждой из машин красовался небольшой российский флажок. Неужели здесь проходит съезд всех десятерых калининградских «жигулистов»?

Вздыхнув, я повернулся. Невдалеке, облокотившись на литую ограду набережной, стоял флегматичный рыболов неопределённого пожилого возраста, одетый в синий спортивный костюм с белыми полосками. Своей невозмутимостью он напоминал индийского йога. Наверное, если бы рядом расступилась земля, то рыболов лишь переставил бы ведро с уловом в сторону, чтобы оно не упало вниз. Я рискнул обратиться к нему.

– Добрый день, – поприветствовал я рыболова, который скользнул по мне взглядом и вновь вернулся к поплавку, слегка качающемуся в реке. – Простите за вопрос... Я понимаю, что это прозвучит очень странно, но какой сейчас год?

Седые брови рыболова чуть приподнялись. На этот раз его взгляд остановился на мне. Я почувствовал себя свежесловленным сомом.

– Знаете, молодой человек, – с какой-то отеческой заботой сказал рыболов, – лучше не пейте водку. Это яд, который делают из опилок.

Я устыдился. В конце концов, мне думалось, что я выгляжу не так уж и плохо, несмотря на бессонную ночь, возлия-

ния, утреннее бдение у реки и путешествие во времени.

– Нет, это не водка, – сказал я. – Я не пьян, я просто немного запутался... Так какой же сейчас год?

– Пятьдесят седьмой, – словно нехотя ответил рыболов и отвернулся к поплавку, едва покачивающемуся на воде.

По всей видимости, моя первая беседа с человеком будущего завершилась; он совершенно не отличался от моих современников. На всякий случай, я ещё раз бросил взгляд на десять «жигулей». Они всё так же стояли шеренгой, словно на авторынке.

Итак, я точно в будущем. Это будущее очень неожиданное, но меня оно не отторгает.

Я огляделся ещё раз. Наверное, надо выйти чуть поближе к центру, к Ленинскому проспекту. Может быть, там удастся увидеть что-то новое и интересное. Пока я не мог сказать, что за прошедшие сорок лет город изменился до неузнаваемости. Наверное, подумал я, хорошо бы соблюдать инкогнито, чтобы никто не догадался о моём прибытии из прошлого. Кроме того, Человек в чёрном рекомендовал мне ехать в Москву, а для этого следовало купить билет и узнать, как вообще сейчас путешествуют люди. Вполне возможно, что научно-технический прогресс позволил людям освоить телепортацию. В крайнем случае, подумал я, глядя на «жигули», будем надеяться, что московский метрополитен уже прорыли до Калининграда, оснастив его сверхзвуковыми магнитопоездами.

Пройдя через сквер с изрядно разросшейся за эти годы ивою, я оказался у цели. Ленинский проспект, центральная трасса Калининграда, изменился не очень сильно. Пятиэтажные блочные дома характерной хрущёвской архитектуры окрасили в различные цвета зелёных и синих оттенков. Это явно произошло не вчера: запylённая краска местами отслоилась, обнажая старые швы стыков. В одном месте из скола бетонного блока торчал ржавый прут арматуры.

Мимо меня неторопливо проехало несколько автомобилей характерно отечественного вида. Одна из машин напоминала хорошо модернизированную «Волгу», словно только что появившуюся из старинного фильма эпохи оттепели. Уличное движение по сравнению с моими временами явно стало спокойнее. Если бы я захотел, то мог бы спокойно перейти дорогу, нисколько не рискуя попасть под транспорт. Проспект был почти пуст.

Внезапно мой взгляд ухватился за машину, чьи очертания казались чужеродными в этом скудном транспортном ручейке. По дороге ехал «мерседес», старый, в следах краски поверх шпаклёвки, но ещё вполне работоспособный. Негромко бурча мотором, он притормозил, чтобы свернуть мимо меня в переулок, и я с удивлением понял, что на его капоте вместо трёхлучевой звезды в круге демонстративно торчит эмблема автомобильного завода с берегов Волги.

Рядом прошла пара, державшаяся за руки. Молодой человек в серой полуспортивной куртке и девушка в чёрном

потёртом пуховике мельком оглянули меня. К счастью, я не слишком выделялся своей одеждой. Наряды в пятьдесят седьмом году были достаточно консервативные, так что я в джинсах и куртке-ветровке вполне вписывался в моду будущего. Я шёл по бугристому, разбитому асфальту тротуара и смотрел по сторонам.

В одном из домов располагалась закусочная «Скатерть-самобранка» с вывеской в псевдорусском стиле. За окнами виднелись картинки с большой русской печкой, из устья которой выскакивали приветливо улыбавшиеся булочки. Я подумал, что сейчас на них очень уместно смотрелась бы надпись «Съешь меня».

Возле закусочной располагался магазин бытовой техники. Из его окон на меня смотрела выпуклыми кинескопами шеренга одинаковых ящикообразных телевизоров с двурогими антеннами. Я вспомнил, как в детстве играл на таких телевизорах в «денди». Ходили слухи, что эта приставка ужасно сажает кинескопы. Не таким я себе представлял 2057 год.

Куда я вообще попал? Почему прошло сорок лет, но ничего не изменилось, за исключением покрашенных домов и достижений отечественного автопрома? Да и люди, которые идут рядом – почему они совершенно не отличаются от тех, кто шёл здесь полвека назад, разве что одеты немного скромнее?

На ум мне пришло слово «ретрофутуризм». Может быть, это не будущее, а параллельная реальность? Алиса попала

в Зазеркалье, а я, похоже, оказался в мире школьного сочинения «Каким я вижу Калининград через сто лет», написанного школьником в далёком 1957 году.

Я поднял взгляд. Там, где когда-то висела табличка «Ленинский проспект», находился указатель «Проспект Великой России». Нет, это явно не СССР.

Что же это, спросил я сам себя. Что за мир, в который я попал? Почему он одновременно и похож на реальность, из которой я прибыл, и при этом совершенно не похож? Что здесь другое?

Может быть, другая одежда? Неяркие цвета, приглушённые оттенки, всё какое-то неброское и незаметное. Нет, этого недостаточно. Вытершаяся штукатурка домов, которые ремонтировали, похоже, лет пятнадцать назад? Близко, но не то. Асфальт главной улицы города в заплатках и буграх? Помилуйте, они всегда тут были. Может быть, что-то неуловимое в людях?

Я обошёл остановку, на которой стояло десятка два человек. Одна женщина посмотрела на меня и тут же отвернулась. Четверо мужчин в одинаковых дутых куртках из болоньи приглушённых оттенков равнодушно скользнули взглядами. Кроме них, никто не обратил внимания на меня, словно я был человеком-невидимкой. Невесёлые лица людей были похожи на солнце, пробивающееся сквозь тучи. Я посмотрел вверх. Облака занимали половину небосвода, сливаясь в едва прозрачное полотно. Солнце казалось огромной белой

монетой, и я мог смотреть на него не щурясь.

Красный свет светофора остановил меня перед пешеходным переходом. На противоположной стороне дороги, где когда-то был сквер с зелёной травой и такими же зелёными скамейками, высилось немного странное здание. Архитектор пожелал совместить псевдорусский стиль ГУМа и стеклянный хай-тек небоскрёба. Получившаяся десятиэтажная башня смотрелась необычно. Большие светящиеся буквы над входом гласили:

ТОРГОВЫЙ ЦЕНТР «РОССИЯ»

Слева, на углу располагался небольшой газетный киоск, и я из любопытства подошёл к нему. Мне пришла в голову идея купить несколько газет, чтобы получше узнать мир будущего.

– Дайте телепрограмму, – сказала в окошко киоска пожилая женщина.

– Сорок рублей, – донеслось изнутри.

Значит, рубли всё ещё в ходу. Почему же таинственный Человек в чёрном дал мне банкноту в двадцать евро? Похоже, прежде чем покупать газеты, нужно обменять валюту. Мне неоднократно доводилось это делать в свои времена, и я понадеялся, что за сорок лет эта процедура не сильно изменилась.

Красный свет сменился зелёным, и я перешёл дорогу вместе с другими пешеходами. Мне показалось, что раз или два на меня бросили любопытствующий взгляд, но не более. Ме-

ня это вполне устраивало. Город жил своей жизнью, не замечая пришельца из прошлого.

Я остановился перед зданием торгового центра, чтобы рассмотреть его получше. Какое-то оно было странное, не от города сего и не от времени сего, точно выстроенное в незапамятные времена сказочными великанами без архитектурного вкуса, а сейчас, лишённое ухода, – затёртое и пыльное. Мне вспомнилось давнее путешествие в Москву и поход на ВДНХ в павильон «Космос». Я видел старые фотографии огромного выставочного зала со спутниками и ракетами, а оказался в ангаре, где торговали саженцами и семенами. Здание торгового центра создавало такое же ощущение обманутых ожиданий.

Вслед за воспоминанием о Москве на ум снова пришли слова Человека в чёрном. Зачем-то он советовал мне ехать именно туда, в столицу. Любопытно, где сейчас можно купить билеты на самолёт?

Размышляя так, я увидел на здании торгового центра большую зелёную вывеску с яркими буквами:

ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БАНК РОССИИ

Это очень хорошо, подумал я, поправляя на боку сумку. Хватит ли мне двадцати евро на путешествие в Москву? В семнадцатом году, прикинул я в уме, это составило бы половину железнодорожного билета или же четверть самолётного. Мне оставалось надеяться, что Человек в чёрном, прежде чем отправить меня в мир будущего, узнал тарифы

транспортных компаний.

Дверь из пластика была весьма тяжёлой. Мне пришлось потянуть её всем своим весом. Ступая по вытертому зелёному кафелю, я оказался в большом кассовом зале. Работало только два окна, поэтому внутри образовалась длинная очередь, перегородившая помещение по диагонали.

Судя по плакатам, висевшим на стенах, банк предоставлял самые разнообразные услуги гражданам. Глядя на надписи, я обратил внимание, что рубль всё ещё в ходу. Посетитель банка мог открыть разные виды вкладов, получая до четырех или, при каких—то строгих условиях, даже до пяти процентов в год. Если же у него, напротив, не было денег, то банк мог любезно предоставить двадцатипроцентный займ. Женщина, протягивающая с рекламного плаката пачку денег, подозрительно улыбалась. Мне не понравилось её лицо, да и банк, откровенно говоря, произвёл двоякое впечатление. Здесь можно было оплатить коммунальные услуги, штрафы, совершить переводы и расстаться со своими деньгами ещё дюжиной разных способов, однако я не мог найти ничего, что было бы связано с обменом валюты.

Возле одного из окошек висело грозное предупреждение о том, что в случае агрессивного поведения или нецензурных ругательств по отношению к сотрудникам банка будет немедленно вызвана полиция. Я подумал, что далеко ходить за полицией не придётся: человек в характерной тёмно-серой форме (она не очень сильно изменилась за сорок лет) си-

дел в углу на стуле и, закинув ногу за ногу, читал какой-то детектив в яркой обложке. Изображённый на ней спецназовец с автоматом Калашникова (к стволу был примкнут зазубренный, совершенно нереалистичный штык-нож) вёл кинжальный огонь от бедра.

Окинув скептическим взглядом очередь ещё раз, я обнаружил стоящую рядом сотрудницу банка, миниатюрную женщину с кучерявыми каштановыми волосами, собранными в пучок. Форменная рубашка была ей немного велика.

– Чем я могу помочь? – спросила она, заметив мой взгляд.

– Здравствуйте, – поприветствовал я её и сразу же взял быка за рога. – Скажите пожалуйста, можно ли у вас поменять валюту?

Мои слова произвели большой эффект, чем если бы я крикнул во весь голос «Это ограбление!» и выстрелом из обрезав свалил бы встающего со стула полицейского. В первое мгновение консультантка смотрела на меня огромными бездонными глазами того же цвета, что и её каштановые локоны, словно я предложил ей нечто непристойное. Во второй миг я, предчувствуя что-то очень плохое, оглянулся и понял, что мои слова услышали все присутствующие. Очередь странно отшатнулась, будто я вытащил из сумки осколочную гранату. Операционистки испуганными глазами смотрели на меня из своих окошек. Похоже, я сказал что-то явно не то.

– Знаете, пожалуй, я в другой раз зайду, – сказал я кон-

сультантке, разворачиваясь к выходу. Полицейский, стоящий поодаль, шёл наперерез, и я, набирая скорость, уже начал прикидывать, смогу ли его задержать и прорваться к выходу, если прямо сейчас брошу в него стул. По моим расчетам выходило, что нет, и меня это не сильно обрадовало.

– Так, остановись, – сказал полицейский, загородив двустворчатую дверь. Он опередил меня буквально на пару метров. Его властный тон мне откровенно не понравился.

– У меня сейчас нет времени, – мрачно ответил я, сожалея, что Человек в чёрном не снабдил меня обрезом.– Мне срочно нужно идти, у меня самолёт в Москву.

При этих словах полицейский удивлённо замер. Его рука, уже протягивающаяся ко мне, остановилась в воздухе. К сожалению, отодвинуть полицейского от двери я всё ещё не мог. Ситуация была патовой.

– Что случилось? – спросил я.

– Вы задержаны, – ответил полицейский, кладя руку на свой пояс. По крайней мере, он перешёл на «вы», но этого было мало.

– Почему?

– Вы задержаны, – повторил он точно тем же тоном.

Пuls бился в моих висках, словно секундомер. Я втянул воздух, желая что-то сказать, но не успел.

– Подождите!.. – раздался чей-то запыхавшийся крик. Я оглянулся.

Большая бронированная дверь, извещавшая своими над-

писями, что за ней скрывается служебное помещение, куда строго воспрещён вход, была открыта. Там, отдуваясь и тяжело дыша, стоял мужчина средних лет с раскрасневшимся от спешки лицом. Деловой костюм – не самая удобная одежда для забега, да и, судя по очертаниям талии, владелец костюма нечасто занимался физкультурой.

– Куда же вы? – сказал бегун, быстро направляясь ко мне. – Пойдёмте в кабинет.

Ловким жестом он ухватил меня под локоть, словно хотел под шумок вытащить бумажник, и буквально потащил вперёд с такой силой, что я даже запнулся о ботинок полицейского. Перед дверью мужчина остановился, и, не отпуская меня, обратился ко всем присутствующим.

– Уважаемые посетители Госбанка! – громко сказал он. – Вы только что приняли участие в служебных учениях нашего филиала. Всё под контролем. Благодарю вас за участие! Прошу всех подписать в кассе бумагу о неразглашении.

Я не успел ничего понять, как меня уже впахнули в коридор за бронированной дверью.

– Скорее, – заговорщицким шёпотом сообщил мне мужчина, торопливо ведя меня за локоть. Мы свернули за угол и поднялись по лестнице на второй этаж.

– Скажите, – не выдержал я, проходя через приёмную, где на нас с нескрываемым любопытством смотрела секретарша с короткой стрижкой, – в чём, собственно, дело?

Мой проводник вертикально поднял ладонь, всем своим

видом показывая, что этому вопросу ещё не наступил срок.

– Меня ни для кого нет, – сообщил он секретарше, одновременно открывая мне дверь кабинета. Краем глаза я заметил на дверной табличке гравированные строки «Сергей Петрович Н., директор филиала Государственного...», но дочитать их не успел: моё внимание приковал к себе компьютер секретарши. Я даже не знал, что меня больше удивило: то, что у него был ящикообразный электронно-лучевой монитор из пожелтевшей пластмассы, на чёрном экране которого ярко зеленели буквы, или что у горизонтального системного блока с надписью «ЭВМ КАЗБЕК-5» лежала пара удивительно знакомых по моему детству трёхдюймовых дискет. Может быть, я попал не просто в будущее, а в альтернативное будущее? В мир, где двести лет назад Наполеон высадил десант в Англии, и поэтому всё пошло немного не так?

Дверь кабинета закрылась за мной. Уже отдышавшийся директор щёлкнул замком и широким жестом указал на кресло, обитое слегка потёртым кожзаменителем.

– Прошу, – сказал он, поправляя на себе сбившийся галстук, – устраивайтесь и мы поговорим.

– О чём? – спросил я, присаживаясь. Сиденье слегка спружинило.

Банкир помедлил с ответом. Обойдя стол, заваленный бумагами, он опустился в своё кресло с высокой спинкой, взял со стола очки в тонкой позолоченной оправе и надел их, предварительно протерев. Сейчас он выглядел намно-

го серьёзнее, чем минуту назад. Должно быть, мой визит в банк являлся чем-то из ряда вон выходящим, раз сам директор бросился ловить меня, оставив здесь как свои очки, так и собственную степенность.

Только теперь я заметил на стене большой государственный герб. Он в точности повторял рисунок на моём паспорте, только был более крупным, что позволяло лучше различить детали. На красном щите располагался золотой двуглавый медведь. В каждой из своих лап он сжимал по снопу золотой пшеницы. Колосья, увитые лентами, изгибались, почти замыкаясь в круг над медвежьими головами. Я перевёл взгляд вправо, на добротный портрет с латунной табличкой «Господин президент Российской Федерации». Лицо изображённого на портрете человека показалось мне ужасно знакомым, словно я знал его ещё с тех времён, когда учился в школе и играл в «денди».

– Зачем вы пришли ко мне в банк? – спросил банкир таким тоном, которым было бы уместнее произнести «Вы уволены!» Я оторвался от портрета.

– Во-первых, – начал я, стараясь придать своему голосу более твёрдую интонацию, и, кажется, мне это удалось, – я пришёл не к вам. Во-вторых, почему все так набросились на меня, будто я объявил о том, что ваш банк заминирован?

Взгляд в золотой оправе прошёл по мне сверху донизу и слева направо, словно крестя меня. Потребуя я у банкира миллион рублей и его дочь в жёны, он смотрел бы на меня

менее пристально. Бдительно оглядев меня, директор взял телефонную трубку, за которой потянулся длинный чёрный витой провод, и нажал какую-то из кнопок на корпусе аппарата.

– Ты собрал подписи о неразглашении? Хорошо, продолжай дальше. Предупреди посетителей, что учения тайные. Кассиршам благодарность за оперативное реагирование. Да, ему тоже. Если что-то... Нет, пока не требуется.

Его рука с золотым перстнем нажала ещё одну кнопку.

– Заменить все записи с камер. Поставьте обычную картинку. Если что, объясните скачком напряжения или ошибкой. Да. Да, или так.

Телефонная трубка вернулась на аппарат. Внимательный, почти рентгеновский взгляд банкира вернулся на меня.

– Я спрашиваю ещё раз, для чего вы пришли в банк, и прошу на этот раз мне ответить.

Тон директора не предполагал возражений. Я почувствовал, что мне это уже начинает надоедать.

– Мне нужно обменять валюту, – ответил я, вкладывая в интонацию некий вызов.

Банкир снял с себя очки и закрыл глаза, устало выдохнув.

– Когда мне сообщили о вас, я подумал, что вы провокатор из госфинансконтроля, но сейчас я вижу, что это не так, – сказал банкир, открывая глаза. – Вы не провокатор, а, извините, дурак, раз пришли посреди бела дня и объявили это на весь банк. Так не поступают. Я могу затереть записи с ка-

мер и поручиться, что мои люди будут молчать, но что произойдет, если кто-то из посетителей выйдет из банка и сообщит куда следует, что сюда пришёл человек с валютой?

Я даже не знал, что ответить на этот вопрос, поэтому просто пожал плечами.

– Мы сделаем так, – голос банкира слегка смягчился, а сам он наклонился ко мне. – В случае, если...

Он замялся.

– ...если у нас будут спрашивать уполномоченные лица, то вы нашли валюту в дедушкином портмоне в кладовке. Взяв монеты, вы, как законопослушный гражданин, немедленно отправились в банк, чтобы сдать валюту в установленный законом двенадцатичасовой срок. Да-да, ведь вы имеете право сдавать деньги не только в полицию внутренних дел, но и в банк. Разумеется, в течение часа мы должны уведомить об этом органы, но электронное письмо затерялось из-за аварии электропроводки. Вам всё понятно?

Портмоне, банк и проводка. Мне это показалось каким-то бредом, но на всякий случай я кивнул.

– Что же, теперь, когда мы определились с тем, что происходит, можно перейти ближе делу. Сколько у вас денег?

– Двадцать евро.

Банкир с силой опустил ладони на стол.

– Мне кажется, – сказал он строго, – что сейчас не совсем подходящее время для шуток.

– Я шучу только с полуночи до восьми утра.

Его слова задели меня. Неужели двадцати евро было мало? Расстегнув молнию ветровки, я извлёк из кармана синюю купюру и показал ему.

Банкир на мгновение замер, словно кролик перед удавом. Я увидел, как стремительно расширяются его зрачки. Спустя секунду он со словами «позвольте» жестом фокусника вытащил у меня купюру из рук. Я даже не успел моргнуть, как мой собеседник уже достал из ящика стола часовую лупу и внимательнейшим образом изучал банкноту. Будь это на цирковой арене, я бы поразился той ловкости, с которой мои деньги перекочевали в руки банка.

– Что это за грабёж... – начал я, но банкир уже ничего не слышал. Всё его внимание было приковано к банкноте. Щёлкнул тумблер настольной лампы. Голова финансиста склонилась так, что мне пришлось бы разговаривать с розовеющей залысиной на его макушке, и я замолчал. Банкир рассматривал банкноту через лупу, изучая на просвет и попеременно поворачиваясь то к лампе, то к окну. Он даже слегка похрустел бумагой и понюхал её, словно стремясь узнать, пахнут ли деньги, и если да, то чем. Казалось, сейчас директор надкусит банкноту, но он прервался и снова внимательно посмотрел на меня, не выпуская деньги из рук.

– Теперь я точно вижу, что вы не провокатор. В таком случае, вы бы пришли с пятью евроцентами.

– Я рад, что мы это выяснили, – ответил я не слишком любезно. События предыдущих десяти минут не располага-

ли к приятному общению.

– Итак, вы пришли ко мне с, – тут взгляд банкира опустился на удерживаемую им банкноту, – двадцатью евро. Как я понимаю, вы хотите обменять их на рубли? Сколько вы хотите за них?

– А сколько вы дадите?

Банкир внимательно посмотрел прямо мне в глаза.

– Я могу дать вам за них двести тысяч рублей. Эта сумма удовлетворит вас?

Двести тысяч? За двадцать евро? Вот это курс нынче!

Впрочем, тут же сказал себе я, не радуйся заранее. Я помнил времена, когда на четыре рубля можно было проехать в автобусе и когда на семь тысяч – приобрести лишь бутылку газировки «Колокольчик». Как ценен был рубль сейчас? Что можно купить на двести тысяч? Банкир истолковал моё молчание по-своему.

– Конечно, вы можете обратиться к теневым кругам. Они даже могут пообещать вам большую сумму, но! – он предостерегающе поднял указательный палец, по-прежнему удерживая банкноту. – Скорее всего, вас обманут и ограбят. Кроме того, даже если вам повезёт со сделкой, вас очень быстро арестуют. Валюта – это не тот товар, которым можно свободно распоряжаться. Крайним же в глазах закона будете вы, и на случай, если вы не знаете, то соответствующая статья, – погладил он двадцатку, – предусматривает до четырёх лет. Незаконный оборот валюты в крупном размере. Напро-

тив, я, – здесь банкир доверительно понизил голос, – имею возможность обеспечить относительную законность нашей сделки. Вы нашли в дедушкином портмоне крупную сумму валюты, и, как законопослушный гражданин, сдали её в банк. Я выплачиваю вам компенсацию по официальному равноценному курсу, двадцать рублей. По рублю за евро. Всё честно и законно. После этого я выдаю вам двести тысяч наличными в качестве оплаты за консультационные услуги. Юридически вы остаётесь абсолютно чисты.

– Это прекрасная схема, – польстил я своему собеседнику, – и, в целом я согласен. Но хотелось бы узнать одну вещь. Дело в том, что мне нужно попасть в Москву. Сколько стоит билет на самолёт?

Банкир замер. Удерживая на столе двадцатку левой рукой, он снял очки, положил их на стопу служебных бумаг, потёр угол глаза и лишь затем надел их обратно.

– Я не знаю, кто вы, – начал он осторожным тоном. – Я вижу, что вы не провокатор, но самолёты в Москву не летают уже больше четверти века. Если бы вы были министром, то для вас бы, возможно, ещё организовали рейс с разрешения авиационного контроля, но, при всём моём к вам уважении, вы явно не министр.

Шпионы попадают на мелочах, а путешественники во времени – на незнании реалий.

– Как же тогда мне попасть в Москву?

– Поезд, – как будто с облегчением ответил банкир. – По-

езд Калининград – Москва. Но с этим обратитесь на вокзал. Скажите мне лучше одну вещь. Я не хочу знать, кто вы, так как у каждого из нас есть свои секреты. Я не хочу знать, откуда у вас эти деньги. Но, прошу, объясните мне, почему вы не знаете очевидных вещей? Придя в банк, вы открыто говорите, что хотите обменять валюту. Вы приносите бешеные деньги. Вы хотите лететь на самолёте. Со стороны это выглядит уже не просто подозрительно, это начинает пугать!

Какую бы легенду мне изобрести? Я подумал, что правда может показаться очень странной. В самом деле, если я скажу, что утром ко мне пришёл таинственный Человек в чёрном и перенёс меня на сорок лет вперёд, вручив при этом банкноту в двадцать евро, то мне никто не поверит.

– Знаете, – дипломатично начал я, – я серьёзно занимаюсь историей. Начало двадцать первого века, и всё такое...

Надеюсь, я действительно нахожусь в нашей реальности, а не в параллельной, где в начале двадцать первого века Россия построила трансатлантический туннель до Мексики. Что же, сама жизнь вынуждает меня лить воду в ответ. Как истинный вечный студент я умел просто блестяще говорить о вещах, в которых абсолютно не разбирался. Именно так я и пересдал этой осенью уже упомянутый мною экзамен по социологии.

– Помимо изучения этой эпохи через учебники и исторические свидетельства, – уверенным тоном говорил я, – я практикую погружение в быт. Это называется историческая

реконструкция. И должен сказать, бывает очень трудно выйти из образа. Очень сильно затягивает. Поэтому со стороны это может показаться несколько странным...

Банкир внимательно выслушал меня, время от времени кивая головой.

– Я сделаю вид, что поверю вам, – сказал он, потирая подбородок. – Когда в прошлом году я назначил своего сына руководителем кредитного отдела, мотивировав это тем, что он обладает высокой квалификацией и профессионализмом, то мои коллеги притворились, что поверили. Так что сейчас я поступлю аналогично. Вы – исторический реконструктор, очень хорошо.

Я подтверждающе кивнул. Мне так и не удалось узнать, как ценны были сейчас двести тысяч рублей, но, судя по всему, этой суммы должно было хватить на поездку.

– Вот и замечательно, – повторил банкир, поднимая трубку телефона и нажимая кнопку. —Принеси двести тысяч разными банкнотами и договор консультирования, как обычно. Да, всё по форме.

Положив трубку, он снова внимательно посмотрел на меня.

– Кстати, про реконструкцию. Ваши джинсы – тоже реконструкторские? Судя по всему, они заграничные?

Я кивнул.

– Видите ли, я интересуюсь подобными вещами, – продолжил банкир. – Сейчас очень трудно достать достойную одежду.

ду. Приходится задействовать связи, но и это не всегда помогает. Обратите внимание на мой пиджак. Это пиджак, шитый итальянскими нитками. Его привезли мне по спецзаказу из Москвы. Пуговицы болгарские. Ботинки польские. Новые подмётки взамен изношенных заменил мастер из Чкаловска. Но для внеурочного времени хочется чего-то менее официального. Скажите, какой у вас размер брюк?

Пальцем руки я нашёл изнутри на поясе джинс ярлычок.

– Тридцать три.

– Жаль, – расстроено сказал банкир. – Для меня они малы. А ботинки?

– Сорок третий, но они мне нужны.

– Тоже малы, – ещё более расстроено произнёс банкир. – Давайте мы договоримся: если вы вдруг найдёте в бабушкином шифоньере какие-то вещи зарубежного пошива, подходящие мне по размеру, я с большим удовольствием приобрету их по сходной цене. Кстати, если вы, – здесь мой собеседник потёр пальцы руки друг о друга, словно намекая на что-то, – вдруг обнаружите, что в кармане дедушкиного пиджака лежит ещё одна банкнота, немедленно несите мне. Вот моя визитка, возьмите.

Я убрал визитку в карман, бегло глянув на неё.

– Вы запомнили? – заботливо спросил директор. – Мне и только мне. Никакой полиции и никакого финконтроля. Они вас обдерут как липку и подставят под статью, получив при этом премию и повышение в звании. И уж тем более, ни-

какой федеральной опричной службы или тайной полиции: вам будет грозить измена родине. С них станется.

В дверь кабинета кто-то постучал.

– Сейчас! – крикнул директор, вставая из-за стола. Я использовал паузу, чтобы повнимательнее взглядеться в портрет президента. Если даже это и был мой современник, то сорок лет оставили на нём не такой значительный след. Похоже, это будущее всё же параллельное.

Дверь снова закрылась, и банкир вернулся в своё кресло.

– Итак, вот двадцать рублей равновесного курса, – сказал банкир, кладя на стол две монеты, – а вот двести тысяч, – банкир похлопал по одной из папок. – Вы оказали госбанку консультативные услуги и получаете гонорар по акту. Единственное, что нам нужно заполнить несколько бумаг.

У меня возникло странное подозрение. Мне не хотелось подписывать документы сомнительной законности.

– А можно ли как-то без этого? – поинтересовался я. – Договорное устное соглашение и всё такое?

Банкир отрицательно покачал головой.

– Вы хотите сесть? – осведомился он, извлекая из другой папки бумагу и берясь за ручку с золотым пером. – Не рекомендую. Бумага – лучшая защита. Кстати, у вас документы с собой?

Мысленно ругая бюрократизм, я достал из кармана заграничный паспорт и открыл его, не выпуская из рук. Банкир замер. Кончик золотого пера повис в воздухе.

– Ваша историческая реконструкция, – отложил он ручку в сторону, – заходит слишком далеко.

– В чём дело? Он не подходит?

Директор наконец-то выпустил из рук мою двадцатку, поместив её рядом с собой. Пододвинув лупу, он протянул руку за моим паспортом.

– Дайте посмотреть, – его голос стал недовольным. – У всего есть свои границы.

– Это уж точно. Для чего он вам? Мою фамилию и так видно.

Лицо банкира приняло такое выражение, словно я только что попытался предложить ему очень выгодный кредит под двадцать пять годовых процентов.

– Когда-то и у меня был загранпаспорт, – наконец, сказал он холодно. – Вот только его срок годности вышел тридцать лет назад, а новых потом уже не выдавали.

– А мне выдали, – сказал я, умолчав о том, что это произошло прямо сегодня. – Он вполне удостоверяет мою личность.

– Дайте, пожалуйста, посмотреть, – очень устало сказал банкир. Я пожал плечами и неохотно протянул ему загранпаспорт.

Очень бережно, удерживая его через салфетку, банкир осмотрел паспорт через лупу, после чего перелистал страницы. Дойдя до вклеенной шенгенской визы (у меня в моем оригинальном паспорте была точно такая же), рядом с кото-

рой чернели несколько польских штампов, он остановился. Закрыв паспорт и на всякий случай протерев от отпечатков пальцев обложку, банкир положил его на стол и ногтём придвинул ко мне.

– В третий раз я говорю, что не знаю, кто вы и откуда, – ещё раз резюмировал он, – и я не хочу этого знать. У вас настоящие бумаги. Будь они поддельными, я бы это понял, это бывает. Как говорится, дело житейское. Но они настоящие. Я уже говорил, что вы не провокатор. Видимо, я ошибся, вы провокатор. Вы тоже ошиблись, только кабинетом. Это уровень федерального министра, а не директора банка...

Я осторожно заглянул в паспорт. Не появились ли там какие-то антихристовы письма?

– В общем, вы предъявили мне обычный паспорт. Этого, – указал директор банка на красную книжечку в моих руках, – я не видел. И, прошу вас, уберите его. Вы пришли сдать деньги по акту. Вот акт. Вот рубли.

Размашистым почерком он вписал мою фамилию и имя в бумагу и протянул её мне для ознакомления. Я бегло просмотрел текст. Да, вроде, всё нормально, подумал я, глядя в строки: «Именуемый в дальнейшем „сдающий“», «сдача валюты в установленный федеральным законом срок», «с уведомлением», «за исключением», «установленный равноценный курс», «в размере двадцати рублей»...

В руках у директора уже мелькали банкноты.

– Двести тысяч, – протянул он мне отечественные день-

ги. – И договор.

Я скользнул взглядом по новой бумаге. «Стороны заключили соглашение», «оказание услуг консультационного характера», «шестьсот тысяч рублей ноль копеек»...

– Минуту, – насторожился я. – Здесь указана другая сумма.

Банкир нисколько не смутился.

– Дело в том, что хоть наше мероприятие и выглядит законно, мне потребуется некоторая сумма, чтобы уладить некоторые формальности. Поделиться с начальством. Отдать наверх некоторый процент. Замять сегодняшний инцидент, как минимум. Это внутренние банковские дела, пусть они вас не волнуют. Опять же, мои услуги тоже нуждаются в определённом вознаграждении за риск...

– Да, но тут втрое больше, – сказал я. Мне не понравилась алчность банкира.

Банкир потёр переносицу указательным пальцем.

– Поймите же, – сказал он, – это в наших общих интересах. Вы же не хотите, чтобы нас прикрыла полиция внутренних дел или финконтроль? Им всем нужна доля. Я иду на огромный риск. Заметьте, при этом никто ещё не знает о том, что это плата за валюту. Все подумают, что это обычное обналичивание денег. В противном случае сюда бы все сбежались, как пчёлы на мёд, и ваше дело вышло бы на федеральный уровень силовых ведомств.

Мрачно вздохнув, я взял протянутую мне ручку и в знак

протеста оставил на обоих документах подпись Остапа Бендера, после чего, не считая, положил объёмную, приятную на ощупь, пачку банкнот в сумку. Тем временем банкир о чём-то напряжённо думал.

– Вы хотите ехать в Москву с этим паспортом? – осведомился он с какой-то неоднозначностью в голосе.

– Думаете, не стоит?

– Определённо не стоит. Вы привлечёте к себе, а значит, и к нашей сделке слишком большое внимание. Конечно, раз вам выдали паспорт, то вряд ли вас рискнут тронуть, но всё равно, это слишком...

– Других документов у меня нет, – честно признался я. Банкир чуть помялся.

– Давайте тогда мы сделаем так, – сказал он с видимым облегчением. – У меня есть друг на железной дороге...

Банкир достал из ящика стола, словно из машины времени, кирпичеобразный сотовый телефон, похожий на урки-токи. Во времена своего детства я неоднократно видел такие телефоны у преуспевающих бизнесменов. Чаще всего эти бизнесмены находились в телевизоре.

Выдвинув вверх длинную антенну, директор банка набрал номер. Кнопки пощёлкивали под его пальцем.

– Слава, здравствуй, – сказал банкир в трубку. – Это я тебя беспокою. Как жизнь? Да, у меня тоже всё хорошо. Есть важное дело: нужно отправить ценную посылку в Москву наложенным платежом. Только бандероль? Какая жалость.

Ну, хотя бы так. Да, по описи. Разумеется, по описи. Когда ближайшая отправка почты? О, а когда следующая? Тогда лучше сегодня. Да, хорошо. За мной будет. Ага. Спасибо. До свидания.

Громко пикнув кнопкой телефона, банкир обратился ко мне:

– Я оформил вам билет в Москву. Считайте, что это подарок в надежде на дальнейшее сотрудничество. Вы поедете на уже оплаченном служебном месте, только, прошу, не брагуруйте своим паспортом. Это будет слишком опасно. Курпешных мест нет вообще, поэтому придется ехать плацкартом. Поезд отходит уже через час. Это, конечно, неудобно, но ничего не поделаешь: следующий поезд будет только в понедельник.

– Это не страшно, – сказал я. – Спасибо, что организовали поездку. Какие у вас интересные метафоры. Мне раньше не доводилось ездить ценной бандеролью.

Банкир грустно вздохнул и показал мне тыльную сторону телефона, обычно прикрываемую ладонью. Там, под эмблемой «Роспром» располагалась небольшая, размером со спичечный коробок, пластинка с надписью:

ВАШ РАЗГОВОР ПРОСЛУШИВАЕТСЯ
ДЛЯ ВАШЕЙ ЖЕ СОБСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
СПАСИБО ЗА ПОНИМАНИЕ

– Самое обидное даже не то, что они прослушивают, а то,

что они ещё берут за это деньги, – пожаловался банкир, убирая телефон. – Так и пишут в счёте. Тысяча рублей – плата за связь, пятьсот – обеспечение контроля и безопасности плюс услуги прослушивающего персонала. Поэтому и приходится говорить намёками. Впрочем, у вас скоро поезд. Надо спешить. Вы не будете против, если вас отвезут в инкассаторской машине? Визитка у вас? Помните, если у вас будет валюта или вещи – сразу же звоните. Когда вы вернётесь из Москвы, сразу же заходите ко мне, нам нужно будет обсудить ряд важных деловых вопросов. Только прошу, возьмите свой обычный паспорт.

Покинув гостеприимный кабинет, мы спустились по лестнице и свернули в другую сторону. За очередной дверью оказался спуск в подземный гараж, где нас уже ждал бежевый инкассаторский фургон с широкой зелёной полосой на корпусе. Пахло бензином. Водитель, немногословный мужчина лет сорока, был одет в камуфляжную униформу сдержанных болотных цветов. Кепи, слишком маленькое для его бритой головы, сидело немного набекрень.

– На вокзал, и поскорее, – сказал ему директор и развернулся ко мне. – Приятно иметь с вами дело. Только, пожалуйста, будьте осторожны со своей исторической реконструкцией.

Пожав его руку и попрощавшись, я сел на переднее сиденье. Водитель со второго раза завёл машину, и мы отправились в путь.

К счастью, до вокзала нам предстояло проехать совсем немного. Дороги по сравнению с моими временами были практически пустыми. Я глядел на свой город через призму прошедших сорока лет. В сравнении с инцидентом в банке, когда меня едва не арестовали, но потом выдали пухлую пачку денег, здесь не было почти ничего удивительного. По обе стороны Ленинского проспекта (я всё ещё не мог привыкнуть к его новому названию) ровными рядами шли знакомые мне с детства хрущёвки. Их новая раскраска уже казалась привычной.

Мы обогнали едва движущийся автобус, битком заполненный пассажирами. Я внезапно обратил внимание, что трамвайных рельс на проспекте уже не было. Видимо, калининградскому трамваю в будущем пришёл конец. Куда-то пропали и все липы, что росли на тротуарах. Впрочем, судя по банку, это было ещё не самое плохое, что произошло за минувшие годы.

На перекрёстке с улицей Багратиона (я подумал, что она тоже может быть переименованной, но узнать это не было никакой возможности) мы остановились перед светофором. Справа, там, где раньше стоял пятиэтажный угловой дом, теперь возвышалась девятиэтажная «свечка». Во всю её высоту был нарисован мурал со свирепо оскаленным медведем, держащим в лапах щит и меч. Краски были яркие и сочные; над головой медведя располагался броско написанный лозунг:

ЗАЩИТИМ ОТ ВРАГА ЗАПАДНЫЙ ФОРПОСТ

РОССИИ!!!

Что же произошло за это время? Может быть, случилась война?

По пешеходному переходу прямо перед нами прошла строем группа детей. Все они были одеты в камуфляжную форму с нарукавными нашивками шестнадцатой школы. Одна из девочек грустно посмотрела на меня из-под берета, словно хотела мне что-то сказать. Наши взгляды соприкоснулись на одну секунду. Затем она отвернулась, вступая на тротуар. Я посмотрел ей вслед.

Отчего-то детский взгляд заставил меня остро прочувствовать разницу в годах и поколениях, что проходила между мной и неизвестной школьницей. Я с какой-то осязаемой горечью понял, что оказался в мире, с которым меня ничего не связывает, кроме фантомных воспоминаний о городе, где на своих местах остались только дома и улицы, – да и то не все.

Мы выехали на площадь перед вокзалом; я не сразу узнал его. Здание вокзала было выкрашено в цвета государственного флага. Верхняя часть, которой достался белый цвет, терялась на фоне облаков. Фургон остановился. Справа, там, где в мои времена с дружелюбно протянутой рукой стоял бронзовый Калинин, возвышалась белая церковь с зелёными куполами.

К нам уже подходил высокий мужчина лет сорока с броскими гусарскими усами. Его форму украшали какие-то по-

золоченные эмблемы железнодорожного образца. В руках мужчина держал планшетку с бумагами.

– Здравствуйте! – поприветствовал он меня. – Вы от Сергея Петровича? Я от Вячеслава Павловича.

Я кивнул, подтверждая обмен этими странными рекомендациями. Это напомнило мне какой-то ритуал из жизни старосветских помещиков уездного города К.

– Прошу, поезд уже скоро отправляется. Вот ваш билет. К сожалению, из нижних мест свободным было только тринадцатое. Если хотите, мы можем передвинуть кого-то из обычных пассажиров.

– Ничего страшного, – сказал я. – Я не суеверен...

– Хорошо. Вы без багажа?

А ведь и в самом деле, я отправляюсь в путешествие на поезде с пустыми руками, не имея ни сменной одежды, ни запасов еды, ни даже зубной щётки – словом, всего того, что делает суточную поездку значительно комфортабельнее. Я пожал плечами.

– Срочный и неожиданный отъезд. Я даже не предполагал этой поездки, но меня очень ждут в Москве, – немного туманно ответил я, разглядывая билет. Это был плотный картонный прямоугольник, богато украшенный вензелями и узорами. По верху билета тянулась тиснёная надпись «Железные дороги России». Чуть ниже и чуть мельче значилось «Великие дороги великой страны».

– Мы выдадим вам дорожный набор, – предложил мне же-

лезнодорожник, протягивая планшет с бумагой. – Пожалуй-ста, распишитесь вот здесь.

– Да, это будет очень хорошо, – согласился я, беря в руки шариковую ручку. Прочитать полностью «Акт о предоставлении служебного билета» мне так и не удалось. Я поставил максимально неразборчивую закорючку в самом низу листа и отдал планшет обратно.

Мы подошли к входу. С близкого расстояния стало видно, насколько затёрта и обтрёпана краска на здании вокзала. По всей видимости, последний ремонт был более десяти лет назад. Единственными новыми элементами декора были металлические таблички, укреплённые на каждой из пяти дверей:

Зона транспортной безопасности

Возможно применение оружия

Железнодорожник прошёл внутрь, совершенно не обращая внимания на эти грозные надписи, и я последовал за ним. Нахождение в местах возможного применения оружия не вызывало у меня энтузиазма.

Парадный зал встречал нас рамами металлоискателей, у которых стояли полицейские со строгими лицами. Из трёх рам работала только одна. Перед ней выстроилась очередь. Чьи-то чемоданы досматривали на одном из столов. У каждого из входящих тщательно проверяли документы, заноса данные в стоявший тут же компьютер «КАЗБЕК-2». Он выглядел весьма архаично. Меня поразила большая прямо-

угольная трёхкнопочная мышь, похожая на табакерку. Экран монитора мерцал зелёными буквами в полумраке вокзала.

– Нам сюда, – указал мне путь железнодорожник, и мы обогнули металлоискательный кордон сбоку. Один из полицейских равнодушно скользнул по нам взглядом, и тут же вернулся к своим обязанностям. Пожалуй, это можно было только приветствовать. Я ещё не забыл реакции банкира на мой загранпаспорт, а других документов у меня с собой не имелось.

Вокзал изнутри изменился не так уж и сильно. Стены огромного зала были покрыты бежевой штукатуркой. Под потолком неподвижно висела огромная позолоченная люстра с уже знакомым гигантским двухголовым медведем в окружении пшеничных снопов. Над выходом к перронам располагалась грандиозная мраморная мозаика, изображавшая президента. Я снова задался вопросом: мог ли я его видеть раньше?

– Слушайте, а сколько вообще стоит билет до Москвы? – внезапно спросил я.

– Служебные билеты не продаются. Их выделяют в рамках федерального финансирования. Ну, или как договоритесь.

– Нет, а если обычный плацкарт?

– Точно не помню, – сказал мой провожатый. – Это лучше спросить в кассах. Сам билет, если не ошибаюсь, три тысячи, но если со всеми документами и пошлинами – не меньше семи.

Значит, три тысячи. Почти как в 2017 году.

Мы пересекли зал и вошли в туннель, ведущий к поездам. Вокруг нас спешили люди с багажом. Где-то вдалеке звонко и неразборчиво что-то сообщал громкоговоритель. Обогнав плотного мужчину, несущего чемодан размером с себя, мы поднялись по лестнице и оказались на перроне. Над нашими головами тремя нефами раскинулся дебаркадер.

Здесь пахло пропитанными креозотом шпалами и угольным дымом из труб вагонных печей. Порыв ветра пронёс пыль, царапнувшую наши лица. Вокруг торопились люди. Посадка шла полным ходом. К проводницам, проверяющим документы пассажиров, тянулись очереди. Кто-то обнимался на прощание перед дальней дорогой. Провожаящие и уезжающие торжественно пожимали руки.

– У вас вагон номер пять, – сообщил мне железнодорожник. – Нумерация с головы состава, так что нам сюда.

Поезд, в котором мне предстояло отправиться в путешествие, был раскрашен в цвета российского флага. Наверное, издавлек в движении он выглядел подобно разноцветной зубной пасте, с огромной скоростью выдавливаемой из тюбика. Меня немного смутило то, что все окна вагонов снабжены солидными ставнями из прочных железных листов. На какой-то миг воображение нарисовало мне сцену из вестерна, где бравый шериф, сидящий в бронированном вагоне, стреляет из револьвера по скачущим вокруг бандитам. Неужели в нашем поезде везут золото?

– Какие надёжные ставни, – словно невзначай сказал я. Возможно, моя версия о том, что была война, всё же верна? Жаль, что нет возможности выйти в интернет или хотя бы взять школьный учебник истории, чтобы получше узнать события прошедших сорока лет.

– Да, а как же. Иначе нельзя, – ответил железнодорожник, к моему сожалению, не вдаваясь в подробности. – Документы у вас в порядке? Всё оформлено?

– Да, – подтвердил я, прежде чем задумался о том, что документов-то у меня толком и нет. Ладно, решил я, в пути разберёмся. Шенгенская виза у меня есть, значит, через Литву меня должны пропустить... В конце концов, Человек в чёрном сказал, что мне этого будет достаточно.

– Хорошо, – сказал железнодорожник. – Пятый вагон, вам сюда.

Мы были у самой середины состава. Здесь практически все пассажиры уже были внутри. У окон махали руками провожающие. Кто-то, написав слова прощания на листе бумаги, показывал его в окне. Проводница стояла у входа в вагон.

– Служебный билет, – сказал ей железнодорожник. Я протянул документ проводнице, и она, бегло проглядев, вернула его мне.

– Документы, паспорт в порядке? – спросила она, отмечая что-то в списке пассажиров.

– Да, – ответил за меня железнодорожник. – Выдайте дорожный набор, и оказывайте содействие.

– Хорошо, – сказала проводница, отмечая что-то на следующем листе бумаги. – Пожалуйста, проходите. Ваше место – тринадцатое.

Оглядев на прощание вокзал я шагнул в вагон, оставляя родную землю позади.

Вагон был не новым, но чистым и аккуратным, с вытертым линолеумом, раскрашенным под паркет, с белыми, а теперь кремовыми панелями переборок и вишнёвым, покрытым заплатами, дерматином спальных полок. Словом, я оказался в классическом плацкарте, совершенно не изменившемся за сорок лет. Сейчас здесь было очень тесно. Так происходит всегда, когда в поезд заходят пассажиры и размещаются на своих местах. Я направился к своему месту, оглябая людей, которые ставили вниз чемоданы, поднимали наверх сумки, снимали куртки и распаковывали вещи.

К счастью, идти нужно было не очень далеко, и, опять же к счастью, в моём купе было не очень людно. На пятнадцатом месте, что было напротив моей полки, сидела невысокая стройная дама с миниатюрным изящным лицом и собранными в хвост русыми волосами. На корнях волос просвечивала проседь. Дама была одета в чёрный кардиган с ярко-красными вышитыми макаками. Цветовая гамма придавала ей испанский колорит. На боковом месте располагался рыжеволосый мужчина лет пятидесяти в мятых брюках и фланелевой клетчатой рубашке. У него было строгое лицо интеллектуала, украшенное узкой полоской усов, и презрительный взгляд

сноба, вынужденного ехать плацкартом вместе с плембсом.

– До отправления остаётся пять минут, – громко донеслось из динамиков под потолком вагона. – Просим провожающих покинуть поезд.

Я сел на своё место, поставив сумку рядом с собой и повесив на крючок ветровку. Похоже, я попал в неплохое плацкартное купе.

По вагону шли провожающие, направляясь к выходу. Кто-то помахал рукой с перрона. Пронзительно засвистел тепловоз. Я ещё раз огляделся. Первый час в этом удивительном будущем прошёл настолько насыщено, что только сейчас мне удалось собраться и хоть как-то осмыслить этот странный мир. Конечно, было бы наивным ожидать, что увижу космодром «Понарт», на который только что прибыл звездолёт с юпитерианцами-участниками шахматного турнира, но определённо хотелось бы больше оптимизма. Если не телепортирующих автобусов или флаеров, то хотя бы автоматов по бесплатной раздаче мороженого... А вместо этого...

А вместо этого будущее могло оказаться в виде выжженной радиоактивной пустыни с недружелюбными плотоядными кротами. Я же, как минимум, оказался среди знакомой мне цивилизации, уже еду в поезде по служебному билету, который даёт какие-то неясные привилегии, и в сумке у меня немало денег. Дайте-ка сосчитать, почти шестьдесят пять железнодорожных билетов Калининград – Москва. Я мог бы выкупить целый плацкартный вагон!

За окном медленно, очень медленно поплыл назад вокзал. Поезд набирал ход мягко и почти невесомо.

Прощающиеся люди на перроне махали руками. Кто-то послал вдаль воздушный поцелуй. Поезд вынырнул из полумрака дебаркадера наружу. Погода оставалась неопределённой. Белый диск солнца виднелся в облаках, и было неясно – то ли через пятнадцать минут хлынет ливень, то ли тучи разбегутся, открыв Калининград солнечным лучам.

Я смотрел в окно, словно стремясь на прощание как можно лучше запомнить родной город. Состав уже ощутимо набирал ход, и всё странное, необычное и неизнаваемое оставалось позади. Уже не нужно было куда-то идти и что-то делать. Я находился в поезде, который уносил меня вперёд. Теперь можно было не волноваться. Моё будущее, невзирая на неясность, предопределено на сутки пути. Будущее? Будущее!

Я всё-таки в будущем! Я в две тысячи пятьдесят седьмом году! Еду! Поездом! В Москву! Вокруг меня – люди из будущего! Рождённые в двадцать пятом и уже успевшие стать старше меня! Мне выпал шанс, который, наверное, выпадает одному человеку из миллиардов, если выпадает кому-то вообще! Я могу увидеть будущее, не через хрустальный шар, не через карты таро эры Водолея, не через зеркало, стоящее в окружении свечей, но сам, своими глазами! И всё вокруг меня – это будущее!

Я слегка покачался влево-вправо, ощущая, как пружинит

подо мной набивка полки. Будущее определённо было мягким.

Транзит

...где

*Родина. Еду я на родину,
Пусть кричат – уродина,
А она нам нравится,
Спящая красавица,
К сволочи доверчива,
Ну, а к нам...*

Группа «ДДТ». «Родина»

Телепортация существует. Для неё можно и даже нужно использовать поезд. Пассажир садится в вагон в Калининграде, а выходит из него уже в Москве. К сожалению, технология ещё не совершенна; она имеет некоторое время срабатывания. При перемещении в Москву задержка составит не больше суток. Труднее перенестись в Челябинск или в Анапу, а для путешествия во Владивосток лучше прибегнуть к телепортации самолётом. В настоящий же момент мой пространственный перенос в Москву только начинался; впереди было около двадцати часов пути. В конце концов, подумал я, если за эти годы не изменились ни дома, ни автомобили, то вряд ли и поезда стали ходить быстрее. Я стал пассажиром, и моя жизнь приобрела смысл, цель и задачу, – пусть хотя бы на время поездки.

За окном стремительно появлялся, возникая из ниоткуда,

мелькал, уносился вдаль и пропадал в никуда Калининград будущего. Сорок лет прикоснулись к городу на берегах Балтики, оставив свои отпечатки в виде новопостроенных двенадцатиэтажек, транспортных развязок и незнакомых мне зданий. Я смотрел на Калининград, ощущая ту огромную временную пропасть, которую я перескочил весьма неожиданным способом.

– Вы не можете мне снять матрас? – внезапно спросила женщина в кардигане, закончив что-то искать в своей сумке из затертой искусственной кожи с тиснением. – А то я не дотягиваюсь.

Её слова вернули меня в реальность. Плацкарт оставался плацкартом даже сорок лет спустя.

Я снял с верхней полки матрас, услышав от соседки слова благодарности, и достал ещё один для себя. Раскрыв пакет с постельным бельём, я застелил свою спальную полку, скрыв простынями мозаику заплат на потёртом дерматине. Получилось относительно сносно. Одеяло белым хвостом свесилось в проход.

По вагону, собирая билеты у пассажиров, уже шла проводница. Куда же я в спешке положил свой? В сумке его отчего-то не было. Я вспомнил, что билет, как и телефон, лежит у меня во внутреннем кармане ветровки. Покопавшись в куртке, я достал содержимое кармана наружу. Экран телефона показывал второй час дня.

– Прямо как у меня в молодости! – восхищённо сказала

женщина в кардигане, глядя на телефон. – А что, их начали выпускать?

Я торопливо убрал мобильный в сумку.

– Нет. Это раритетная модель из моей коллекции, – начал я на ходу рассказывать свою легенду. – Я историк, занимаюсь изучением начала двадцать первого века. Коллекционирую старые вещи, в том числе и технику.

– Здорово! – мелодично и грустно сказала женщина в кардигане. – У меня когда-то тоже такие были. Даже сейчас, наверное, лежат где-то...

Она не договорила, внезапно осекшись.

– Вы, наверное, до Минска едете или же до Смоленска? – спросила она. – Смотрю, вы совсем налегке.

– Нет, я до Москвы.

Женщина в кардигане удивлённо посмотрела на меня заботливым взглядом.

– А как же вы так? Совсем без одежды, без вещей, целую ночь пути...

– Да вот так вышло, – сказал я чистую правду. – Как говорится «с корабля на бал». Срочно понадобилось ехать в Москву по важному поручению. Пришлось собираться сегодня в последнюю минуту. А вы тоже туда?

– Да. За покупками.

Я посмотрел на неё с вопросом.

– Я торгую подержанной одеждой, – пояснила женщина, поправляя на себе кардиган. – Еду в Москву закупать старые

вещи для перепродажи. Светлана.

Я представился в ответ. В проходе плацкарта появилась проводница, одетая в форменную белую блузку и тёмно-синюю юбку. На небольшом бейджике было написано «Ольга».

– Попрошу ваши билеты, – сказала она. – Кстати, вот, возьмите, – протянула она мне небольшой полиэтиленовый пакет с дорожным набором. – Олег Вячеславович просил выдать.

Видимо, так звали железнодорожника, меня у вокзала. Я отдал проводнице билет. То же самое сделала и Светлана, пока Ольга рассказывала нам правила поездки в особом поезде дальнего следования. Дорожный набор, как и следовало из названия, должен был помочь путешественнику в пути. На пакете в шахматном порядке красовались двуглавые медведи в фуражках и с рельсами в лапах. Рельсы изгибались полудугами, отчего картинка казалась цирковой афишей медведей-гипнотизёров, способных гнуть железо взглядами. Внутри пакета скрывалась зубная щётка, небольшой тюбик пасты, аккуратный конвертик с мылом, несколько салфеток и, как ни странно, белые тонкие тапки с государственным гербом.

Это очень кстати, сказал я себе мысленно, снимая с себя ботинки. Хотя если я когда-нибудь сообщу людям, что ехал в белых гербовых тапках поездом будущего, меня определённо не поймут.

Поезд ехал по высокой насыпи, с которой открывался вид

на небольшую одноэтажную гидроэлектростанцию. Солнце, показавшееся из-за облаков, отразилось в воде яркими бликами.

– Мне кажется, что я вас уже видела, – задумчиво сказала Светлана. – Это невозможно, но такое ощущение, что это было много-много лет назад, на рок-концерте в башне Врангеля...

Как раз это было вполне возможно: когда-то я часто ходил на рок-концерты, что проводились в старой немецкой башне «Дер Врангель». Тем не менее, я решил пока умолчать об этом.

– На рок-концерте? – уточнил я. – Сомнительно. Вряд ли я мог их застать. Башню Врангеля закрыли ещё до моего рождения.

– А жаль! – воскликнула Светлана. – Это было прекрасное место!

Неожиданно легко мы разговорились о рок-музыке, почти сразу перейдя на «ты». Поезд уносил нас вперёд, а мы со Светланой оживлённо беседовали. Судя по всему, моя соседка по плацкарту была завзятой меломанкой. Я легко поддерживал разговор о такой классике рока, как «Deep Purple» или «Iron Maiden». Несколько сложнее было с той музыкой, которую я пропустил за те сорок лет, что отделили меня от моих времён. Мне ничего не говорили названия таких групп, как «Orange girl» или «Экипаж», поэтому я ограничился тем, что внимательно слушал, время от времени со-

глашаясь со Светланой. Она словно помолодела от этой беседы, сбросив не меньше двадцати лет. Тонкая сетка морщинок в уголках её глаз разгладилась и стала совершенно незаметной. Беседа явно удалась.

– Я даже не могла себе представить, – сказала Светлана, довольно улыбаясь, – что сейчас из молодёжи кто-то ещё увлекается роком. Откуда ты всё это знаешь? Ладно ещё я – ведь я застала те времена! Но как же ты?

– Я – хороший историк, – несколько польстил себе я. Говоря по справедливости, с истфака меня отчислили, пусть и из-за физкультуры.

Светлана оглянулась. Сосед на боковушке громко перелистнул страницу какой-то очень пухлой книги, игнорируя нас.

– Ты не на концерт, случаем, едешь? – спросила она, чуть понизив голос.

Я покачал головой.

– Нет, а что за концерт?

– Большой осенний трёхдневный рок-фестиваль в ДК Горбунова, – негромко и медленно сказала она, наклонившись ко мне.

– Я даже не знал про такой фестиваль, – сказал я. – Если получится, то я с удовольствием приду.

Светлана кивнула.

– Я вижу, что ты в теме, – сказала она. – Меня-то туда по знакомству пригласили, поэтому я в Москву и поеха-

ла. Обычно за товаром ездит мой сын, невестка перешивает и чинит одежду, а я продаю её. Но тут мне знакомые сообщили, что хотят ещё больше ужесточить выдачу московских виз, поэтому я подумала и решила поехать на концерт, пока это ещё возможно. Если хочешь, я могу замолвить за тебя словечко, чтобы тебя тоже пустили. Фестиваль ведь только для своих, с улицы не попадёшь. Он существует лишь потому, что его курирует сам премьер-министр. На каждом концерте он сидит в парадной ложе, надев парик, и думает, что его никто не узнаёт. Он очень смешной.

– Как секретно, – сказал я. – Приду, если будет такая возможность. Пока даже не представляю, насколько буду занят в Москве. Меня так внезапно пригласили провести историческую консультацию, что ничего нельзя планировать.

– Так ты, наверное, на музыке специализируешься? – с интересом спросила Светлана.

– На всей эпохе, – ответил я. – Центральной точкой моих исследований я взял две тысячи седьмой год.

От этих слов Светлана просто расцвела.

– Прекрасный год! – сказала она. – Я тогда в школу пошла. Золотые времена! Можно было делать всё, что душе угодно! Если ты хочешь, я могу многое тебе рассказать про ту эпоху: про интернет, про мобильники, про музыку, про жизнь. Вижу, что ты всё это знаешь, но одно дело знать, а другое дело – лично прожить! Ты даже не можешь себе представить, как тогда здорово было! Как я рада, что у меня хотя бы сейчас

есть что вспомнить из молодости!

Со стороны боковушки внезапно донеслось покашливание.

– Это было ужасное безвременье, – с ощутимой нотой снобизма сказал рыжеусый интеллигент, откладывая в сторону капитальную книгу, которую он читал с момента отправления поезда. На обложке позолотой сверкнули слова «Хан Батый как основатель русской государственности». – Это была година анархии, когда наша страна, утратив свою национальную идентичность, всюю катилась в пропасть вслед за Западом, когда идеалом нашей молодёжи были европейские псевдоценности, чуждые русскому этносу и ведущие к разложению нашей цивилизации...

Светлана молчала, не пытаясь сказать ни слова. Она смотрела куда-то вбок и в сторону. Я увидел, как побелели и сжались в тонкую нить её губы. Рыжеусый интеллигент закончил свою речь и, победно взглянув на нас, вернулся к изданию о российской государственности.

Светлана продолжала смотреть в сторону. Она была очень печальна. Прожитые годы вернулись, и тонкая сеть морщин снова мелькнула на лице коварной паутиной. Я даже не знал, что сказать в такой ситуации.

– Сбегаю-ка за чаем, – сказал я, поднимаясь с полки, когда молчать стало совсем невозможно. Пить мне хотелось с самого утра.

Вагон был заполнен на две трети. По опыту своих путе-

шествий, я знал, что это ненадолго: через полчаса пути поезд остановится в Черняховске, где в него сядет оставшаяся треть пассажиров. Непривычным казалось то, что никто не смотрел фильмы на планшетах и ноутбуках, не играл на телефоне и не читал электронные книги. В ходу были обыкновенные бумажные издания. Кто-то разгадывал сборник кроссвордов. В одном купе тасовали колоду слегка помятых карт. Чуть дальше пассажиры ели яйца, и характерный запах напомнил мне о том, что я голодаю уже более сорока лет.

Наш поезд, грохоча колёсами, пронёсся по мосту над неторопливо текущей рекой, заросшей камышом. Должно быть, Знаменск, подумал я, глядя на характерное краснокирпичное немецкое здание школы с большими часами на стене. Почему-то они показывали начало десятого. Половина области уже позади. Что-то будет дальше?..

– Чай, пожалуйста, – обратился я к проводнице, – и овсяное печенье. Сколько с меня?

Из всего, что было у неё в продаже, овсяное печенье выглядело наиболее аппетитно. Я решил, что потом надо будет наведаться в вагон-ресторан. Конечно, цены в нём, скорее всего, будут высоки, как давление в паровом котле, но с моими запасами денег я мог позволить себе некоторые дорожные издержки.

– Сто сорок, – проводница выдала мне подстаканник, чайный пакетик и упаковку печенья. Я вытащил из сумки пёст-

рую банкноту в пятьсот рублей и расплатился.

Вода в титане уже разогрелась до нужной температуры. Сбоку на стене крепилась табличка «Ведётся видеонаблюдение». Стараясь не глядеть в объектив расположенной рядом видеокамеры, я налил кипятка в стакан и вернулся в родное купе.

– Это же не еда! – воскликнула Светлана, глядя на мои покупки. – Давай я тебе хоть бутерброд дам!

Развернув салфетки, она протянула мне кусок чёрного хлеба, на котором лежали два кусочка копчёной колбасы.

– Ешь, а то я сама всё не съем. У меня ещё хватает.

– Спасибо, – сказал я.

– А я сейчас вернусь, – сказала она и ушла.

Я сжевал бутерброд. Он был немного странным на вкус. Когда-то моя подруга, не имея под рукой муки, испекла пирог из толокна, и я был готов поклясться, что сейчас ощущаю этот же специфический вкус в хлебе. Колбаса напоминала говяжьи жилы, прокрученные с чёрным перцем через мясорубку. Запив горячим чаем ядрёную смесь, я проглотил её. Чай тоже оставлял желать лучшего. Пакетик в горячей воде не то разползся, не то прохудился, и теперь его содержимое, похожее на солому как по виду, так и по вкусу, плавало в стакане. Я принял. От чая доносился тонкий запах уксуса.

Светлана вернулась, переодетая в белые домашние брючки и тот же самый кардиган. Я жевал овсяное печенье с чаем. По счастью, оно не сильно отличалось по вкусу от выпускав-

шегося в моё время.

– Слушай, а почему ты с брюк нашивку с названием не срезал? – негромко спросила она, усаживаясь на полку. Я пожал плечами.

– Да вот так получилось, – ответил я. – Думаешь, стоит снять?

– Конечно стоит! – так же негромко сказала она, бросив взгляд в сторону боковой полки. – В большой России с этим очень строго. Сразу прицепятся. Давай я тебе срежу?

– Ну, давай, – согласился я, поднимаясь с полки. Светлана достала маникюрные ножницы и очень аккуратно срезала точными движениями лейбл с моих джинсов. Только сейчас я заметил, что у неё на руке видна старая татуировка в виде трёх небольших цветных звёздочек.

– Держи и спрячь, – сказала она, протягивая мне срезанную нашивку, из которой торчали растрёпанные нитки. – И лучше не рискуй с этим. Этой весной сын приехал за товаром к поставщице, а у неё всё было перекрыто. Пришла полиция и дочиста обобрала все прилавки. Якобы кто-то увидел там старую турецкую блузку с принтом на английском языке, и полиция провела контрольное изъятие для экспертизы. Потом ничего не вернули и ещё взяли огромный штраф. Повезло ещё, что это была обычная полиция, а не тайная. Те бы всех посадили. Так что ты будь аккуратнее.

– Спасибо, – поблагодарил я, пытаюсь осмыслить стро-

гость современных порядков. – Буду знать.

– Да не за что, – ответила Светлана. – Кстати, хорошие у тебя брюки, почти новые. С одеждой настоящая беда. У меня сын женился в старом костюме моего мужа. Я перешила брюки по фигуре и везде нашла ярлычки Ивановской ткацкой фабрики... Зато выглядел на свадьбе элегантнее невесты.

Я доел пачку печенья.

– Я на концерт везу настоящую английскую косуху, которой больше сорока лет, – по секрету сказала шёпотом Светлана. – И ещё немецкие ботинки-казаки, купленные тогда же. Безумный раритет. Сейчас такое нигде не достанешь.

Я подумал, что когда я вернусь в своё время, то нужно будет непременно найти Светлану. Знакомствами с такими людьми нельзя было разбрасываться.

– Скажи, – вдруг спросил я, – раз ты возишь одежду из Москвы... Ты случаем, не знаешь такого человека? Сергей Петрович, работает в банке...

– Знаю, – перебивая меня, резко ответила Светлана. – Хитрый делец. Мы ему на заказ пиджак привезли пару месяцев назад.

Калининград тесен, подумал я.

– Отличный импортный пиджак, у него в Москве только один владелец был, – продолжила Светлана. – Штучный товар. Мне продали только по знакомству. На такой пиджак можно смело тысяч десять накидывать, а пришлось отдать

по себестоимости... Но за это он помог мне с документами на въезд в Москву. Мне не хотели открывать визу. Мол, у вашего сына уже есть, у невестки есть, зачем вам ещё одна, сбежать в столицу хотите?..

В окне вагона мелькнула красная черепица старого немецкого хутора-фольварка. Рядом на мощёной булыжником дороге стояла пожилая белая «ауди» сотой серии. Рыжие кляксы ржавчины делали машину похожей на черепаховую кошку. Сорок лет оказались не властными над областью.

Отчего-то чай, смешанный с печеньем, начал клонить меня в дрему. Это было неудивительно после той бессонной ночи, что я провёл четыре десятка лет назад в компании лингвистики.

– Очень спать хочется, – сказал я, отодвигая уже пустую пачку печенья в дальний край столика. – Утром так и не удалось выспаться, так что я, наверное, полежу.

– А я вот днём спать не могу, – призналась Светлана. – Свет сильно мешает...

Кивнув, я закутался в одеяло и устроился поудобнее на полке, будто бы прикасаясь к поезду. Вагон мелко-мелко подрагивал, словно гигантское живое существо, и мне в полудрёме казалось, что это я сам мчусь в Москву.

Может быть, это уже было сновидением в виде ощущений? Подобно канатоходцу, я балансировал на тонкой грани между сном и явью, ощущая, как слегка вздрагивают колёсные пары на стрелках, как набирает ход состав, как полка

подхватывает меня и уносит вдаль, точно серфинговая доска... Вот мы едем по мосту, и грохот колёс воспринимается не только ушами, но и всем телом, словно я сам превращаюсь в поезд. Мы чуть-чуть замедляем ход... Остановка, чьи-то шаги, шум вокзала. Скрипят колёсики чемодана по линолеуму пола. Слышен голос «До свиданья!» Свистит локомотив. Поезд, вздрогнув, снова набирает скорость, и я ощущаю смутный грохот дизелей, которые увлекают меня в далёкую даль сна...

...Кто-то прошёл по вагону, задев мои ноги, торчащие с края полки. Похоже, я проспал всего лишь несколько часов. Тем не менее, этого хватило, чтобы немного прийти в себя после бессонной ночи и путешествия во времени.

Поезд мчался на полной скорости, раскачиваясь на ходу и вздрагивая, словно гигантская струна. Под потолком горели люминесцентные лампы, наполняя вагон холодным, очень неестественным маслянистым светом. За окном была непроглядная темнота. Я попытался приподняться на локте, и в затёкшую за время сна руку словно вонзилась сотня иголок.

– С пробуждением! – поприветствовала меня Светлана. – Выспался?

– Не очень, но пока сойдёт, – ответил я, нащупывая ногами тапочки.

Рядом со Светланой разместилась женщина лет сорока, очевидно, севшая на поезд в Черняховске. Если бы ме-

ня попросили её охарактеризовать, то я, не задумываясь, сравнил бы её с трёхгранным напильником – настолько она выглядела остроугольной и целеустремлённой. На ней был слегка вытертый и явно не новый чёрный спортивный костюм, сшитый из синтетического бархата; одежда делала женщину похожей на пантеру. Её короткие волосы имели тот пронзительный морковно-рыжий цвет, который даёт натуральная хна, применённая без добавления басмы. По сравнению с ним усы соседа с боковушки казались блеклыми.

Рыже-чёрное купе, подумал я. Рыжие волосы и чёрная одежда. Цвета апельсина и анархии.

– Где это мы едем? – поинтересовался я, крутя в воздухе онемевшей рукой. Неприятное ощущение понемногу проходило.

– Литва, – коротко ответила женщина-пантера.

Только сейчас, глядя на черноту за окнами, я понял, что это не ночь и даже не сумерки. Окна были наглухо закрыты снаружи, по всей видимости, теми самыми ставнями, которые так удивили меня на вокзале. Чуть светилась тонкая паутинка щели между ними. На какой-то миг мне показалось, что вагон превратился в закрытый бронепоезд. Вслед за этим пришло осознание того, что эта поездка очень-очень сильно отличается от всех моих предыдущих рейсов на «материк».

Путь с малой родины на большую обычно начинается на Южном вокзале Калининграда, который пока ещё не покрашен в цвета флага. Не раньше, чем за два дня до отправ-

ления (это необходимо по юридическим причинам) вы приобретаете в кассах билет, предъявив при этом загранпаспорт. Если вы стоите в очереди на Витебском вокзале Петербурга или Белорусском вокзале Москвы и видите впереди себя человека с российским загранпаспортом, то восемь шансов из десяти, что его путь лежит в Калининград.

В пути по области, где-то между Гвардейском и Гусевом к вам подойдёт сотрудник литовского консульства в форменной кремовой рубашке. В обмен на заполненную анкету он выдаст визовый бланк, который позволяет транзитным способом пересечь Литву и в течение трёх месяцев вернуться обратно. Поскольку этот бланк выглядит очень представительно и снабжён гербовым штампом, после путешествия можно смело говорить, что это благодарственное письмо из литовского консульства. В Чернышевском по составу пройдут пограничники, которые поставят штамп в загранпаспорт. С этого момента вы временно покидаете родину.

Миновав мост над пограничной рекой, вы оказываетесь в литовском Кибартае, где когда-то родился великий живописец Исаак Левитан. Штамп появится уже на визовом бланке. Теперь весь поезд представляет собой некую вещь в себе. За несколько часов он промчится мимо лесопильных заводов Казлу-Руды, проедет по дамбе каунасского водохранилища и остановится только в Вильнюсе. В течение всего этого времени вы уподобляетесь Ленину, путешествующему в plombированном вагоне по Германии. Вы можете пить чай

(непременно с сахаром), читать книги, работать над статьёй «как нам обустроить плацкарт», знакомиться с соседками и даже, открыв окно, дышать воздухом заграницы. Но вы, если конечно, путешествуете не по шенгенской визе, не можете покинуть вагон. На стоянке в Вильнюсе в лучшем случае удастся высунуться из двери. Во время этого путешествия больше всего страдают курящие. Закончится путешествие через Литву в Кяне. По поезду снова пройдут люди в форме, и состав, покинув Литву, окажется в Беларуси. Синеокая страна тысячи озёр встретит вас на станции Гудогай, где белорусские пограничники поставят вам в паспорт штамп контрольного пункта Сморгонь.

Похоже, в настоящий момент эта привычная мне схема с четырёхкратной проверкой документов не работала. Об этом я мог бы догадаться и раньше, учитывая полное отсутствие загранпаспортов в стране, и только всевозможные отвлекающие факторы не дали мне об этом подумать. На таможне меня бы обязательно разбудили, значит, её тоже нет. В итоге, нет ни загранпаспортов, ни проверок, зато есть ставни на окнах и синтетический свет люминесцентных ламп. Что же это такое?

– А как мы вообще сейчас едем через Литву? – поинтересовался я. Похоже, я избрал очень странную формулировку вопроса. Мне оставалось только надеяться, что это будет не сильно заметным.

– Как всегда, с закрытыми окнами, на полном ходу и без

остановок. Разве ты раньше так не ездил? – спросила у меня Светлана, отложив в сторону кроссворд. Я отрицательно покачал головой. Так я точно ещё не пересекал Литву. – Проедем границу, тогда ставни откроют.

– Какая сложная система, – сказал я. – Чувствую себя, как в бронепоезде.

Светлана кивнула:

– Вот, за тридцать лет дожили до бронепоездов...

Я хотел было поддержать эту тему, но не успел.

– ...кстати, чуть не забыла, – сказала она. – Пока ты спал, приходил начальник поезда. Он посмотрел на тебя, не стал будить, и ушёл.

Мне это не понравилось. Неужели моя личность всё-таки вызвала какие-то подозрения? Если из банка я мог ещё куда-то бежать, то покинуть закупоренный бронепоезд представлялось гораздо более трудным делом.

– Он чего-то хотел? – спросил я как можно более нейтральным голосом.

– Не сказал, – сообщила Светлана, пожимая плечами. – Просто пришёл, посмотрел и ушёл.

– Странно как-то это всё. Пойду, лучше наведу чаю.

Моего подстаканника уже не было. Поднявшись с полки, я отправился к проводнице, и, купив ещё чая за сорок рублей, залил его кипятком из титана. Разогнавшийся поезд раскачивался под ногами, и мне пришлось очень осторожно возвращаться, чтобы не облить никого и ничего, включая чьи-то

ноги в носках, торчащие из-под простыни, точно рогадины. Навстречу мне, тоже направляясь к кипятильнику, с чашкой в руке прошла Светлана. Мы разминулись в проходе; пассажир, сидящий в соседнем купе, несколько странно посмотрел на нас. Мне отчего-то не понравился его изучающий взгляд.

– Вы, наверное, в Черняховске сели? – спросил я у женщины-пантеры, ставя подстаканник на стол. В тесноте плацкарта мы едва не упирались друг в друга коленями. Я обратил внимание, что спортивные брюки моей собеседницы очень аккуратно зашиты в двух местах. На расстоянии это было совершенно незаметно.

– Да. Ты тогда спал.

В нашем разговоре она сразу перешла на «ты». Я был не против.

– Будем знакомы, – сказал я, представляясь. – Еду в Москву. А вы?

Она кивнула.

– Катя, – коротко сказала она. – Да, я тоже.

Я коротко повторил свою легенду исторического консультанта. Катя пожалала плечами, пропуская к окну вернувшуюся с чашкой Светлану.

– Давние времена ты берёшь, – сказала она и зевнула. – Но раз тебя позвали в Москву, и раз к тебе приходил начальник поезда, видимо, едешь ты совсем не зря...

– Да, надеюсь. А вы как, в Москву по работе?

– Нет, – сказала Катя, выдавливая из тюбика крем на кисти рук и растирая его. Запахло ромашкой. – Надо переоформить лицензию на право выращивания картофеля. Наш участок земли с огородами по ошибке приписан к Славскому району. Опять ужесточили кодекс, и нам сказали, что если мы не оформим бумаги по всем правилам, то в следующем году всю картошку конфискуют. В Калининграде взяли две пошлины, сказали, что такие вопросы не решаются даже за деньги, и надо обращаться прямо в московский Агропром. Мы отправили туда три письма. Два потерялись, на третье ответили: в переписке ничего не решаем, приезжайте и поговорим. Намекают.

Она потёрла большой и указательный пальцы друг о друга, показывая, на что намекают в московском Агропроме.

– Вот я села на поезд и поехала в Москву разбираться, – продолжила Катя. – Хорошо, дали приглашение на въезд, а то бы визу не открыли, и пришлось бы сидеть в деревне впроголодь.

– А вы не в Черняховске живёте? – переспросил я.

– Раньше жили, – ответила Катя. – Работы не стало, вот мы и уехали к родителям мужа. Старый немецкий хутор, чуть-чуть не доезжая до Большаково.

– И как там? – поинтересовалась Светлана.

Поезд дернулся, и в моём стакане лязгнула ложечка. Чай всё ещё был обжигающе горяч. Над ним поднимался парок. Верхняя часть стакана покрылась тонкими каплями конден-

сата. Катя задумалась.

– Да так себе, – равнодушно ответила она. – Есть, чем детей накормить, и на том спасибо. Сейчас, по осени, продали урожай на рынке, хватило на эту поездку в Москву. На зиму денег уже не остаётся, но хотя бы картошки хватит.

– Катя, а что у вас растёт? – спросила Светлана, помещивая горячий чай.

– Картофель выращиваем, овощи. Капуста, морковь, лук, – без особой охоты перечисляла Катя. – Помидоры в теплицах. Кабачки. Зелень. Жаль, яблони пришлось спилить – на них большой налог, а в подвал их, как куриц, не спрячешь. Хорошие яблони были, ещё немецкие...

– Так вы куриц держите? – с интересом спросила Светлана. – Как раз то, что нужно. Давай мы обменяемся координатами? У тебя есть телефон?

– К нам его не провели, – сказала Катя. – Могу тебе из Большаково позвонить. Или давай я запишу наш адрес.

Светлана достала из сумки ручку и блокнот. Вырвав лист бумаги, она передала его Кате. Когда та начала записывать адрес, поезд слегка качнуло, и ручка соскользнула по бумаге, оставляя длинный след.

Я выпил немного горячего чаю; он уже не казался столь безвкусным. Прекрасная атмосфера той беседы о музыке, что мы вели со Светланой до моего сна, осталась в прошлом. Разговор, утратив свою волшебную часть, стал приземлённым, практичным и очень грустным. Я вспомнил прекрас-

ный анекдот («В детстве Пол Маккартни был так беден, что ему пришлось играть на четырёхструнной гитаре»), но подумал, что сейчас он вряд ли покажется уместным. Свет вагонных ламп придавал всем нам неестественный зелёный цвет, словно мы были пассажирами океанского лайнера, попавшего в жестокий шторм.

– Если будешь в городе, заходи ко мне за одеждой, – сказала Светлана, беря бумагу с адресом. – Я надеюсь сейчас закупить хорошую партию в Москве.

– Если будут деньги, зайду, а то мы в этом году из одежды покупали только носки. Ну, и ещё сыну резиновые сапоги. Кстати, – понизила голос Катя, – мы к Новому году свинок откармливаем. Хочешь купить мяска?

– Хочу. Очень хочу. А вы без лицензии выращиваете? – так же негромко спросила Светлана. Катя кивнула. – А не бойтесь, что заберут?

– Если захотят, то в любом случае заберут, – ещё тише сказала Катя. Я едва мог расслышать её слова. – В том году мы честно купили лицензию. Уплатили все три пошлины и сделали всё как полагается. Осенью пришёл инспектор из ветеринарного надзора, сказал, что кабанчик выглядит подозрительно, и унёс. Взамен прислали акт об изъятии кабанчика, потому что у него обнаружили ящур. И даже деньги за лицензию не вернули.

Светлана покачала головой.

– Это прямо как у нас в магазине, – сказала она. – Прихо-

дят пожарники... Ну, вы знаете, есть пожарные, которые дома тушат, а есть пожарники. Раз в месяц они приходят к тебе и говорят, что у тебя неправильно висит огнетушитель. Без пяти тысяч в кармане – не уйдут. Вслед за ними приходит санитарный надзор и говорит, что в углу только что пробежал таракан...

– К нам так сельхознадзор приходит, – сказала Катя. – Инспектор со свёкром в школе вместе учился. Вот мы с ним и договорились, что в декабре дадим ему окорок, а он нас прикроет с нелицензионными свиньями.

– Всё равно рискуете, – сказала Светлана. – Но к Новому году я бы купила. Думаю, у меня деньги появятся: в декабре все берут одежду на следующий год, пока цены не поднялись. И ещё хорошо бы свиную кожу достать. Хочу себе сшить ремень с заклёпками, чтобы напоминал мне о молодости. Мой ужасно истрепался...

Она о чём-то подумала и спросила, чуть наклонившись к Кате:

– Вы пшеницу не выращиваете? Я уже сто лет нормальной выпечки не делала.

Катя резко покачала головой. Её глаза чуть прищурились. На одну секунду она бросила взгляд в сторону боковушки.

– Нет, – негромко сказала она. – Гиблое дело. Вообще гиблое. У нас сосед в том году брал лицензию на выращивание пшеницы. Сдал по закону две трети в Агропром, по госзакупочной цене, ну вот за эти деньги он даже топливо для мото-

блока не окупил. В этом году он рискнул, вырастил без лицензии. Как только собрал урожай, за ним пришли. Сказали, что зерно-сырец – стратегический ресурс. Сейчас судить хотят. Вот чтобы они все подавились своей пшеницей, гадёныши проклятые!

Со стороны боковушки раздался громкий шорох страниц. Рыжий усатый пассажир опустил книгу.

– Хочу заметить, – сказал он нам с чувством несгибаемого морального превосходства, – что пшеница является национальным достоянием России, на которой зиждется экономическое благополучие и политическая независимость нашей страны, и высказываться в таком тоне...

– А почему тогда есть нечего? – ответила ему очень грубым тоном Катя, поворачиваясь на полке. – Почему всё зерно за границу идёт, а у нас хлеб из опилок?

– Вы пропустили мои слова, – с той же несгибаемой солидностью продолжил интеллигент, – о политической независимости. Россия является единственной в мире зерновой сверхдержавой. Необходимость поддерживать высокий экспорт зерна является справедливой платой за полный политический суверенитет страны и её вес на международной арене. В противном случае мы бы немедленно стали придатком Запада, который бы тут же воспользовался этим и превратил нашу страну в марионетку.

– Значит, суверенитет – это когда есть нечего? – спросила Катя ядовитым голосом.

– Мне кажется, – сухо ответил интеллигент, глядя на нас поверх жизнеописания монгольского хана, – что наша дискуссия бесполезна. Вы понимаете, что мы живём на необъявленной войне против России? Если ваш желудок вам дороже, чем суверенитет нашей страны, то мне нечего вам сказать. Я в который раз прихожу к выводу, что за пределами Петербурга люди погружены в узкий мир мещанских интересов.

Мы втроём молча отвернулись. Я пожалел, что мы едем не в полноценном купе с закрывающимися дверями. К счастью, интеллигент с рыжими усами поднял повыше книгу, словно стараясь отгородиться ею от нас и наших крамольных бесед.

– Скорее бы Гудогай, – сказала Катя. – Курить хочется, а от этих разговоров – и есть. Я слышала, ты без багажа едешь. Хочешь подзакусить?

Безусловно, я хотел, тем более, что овсяного печенья мне не хватило. На столике появилась потёртая коробочка из прозрачной пластмассы, в которой лежала варёная картошка и несколько куриных голеней.

– Если хочешь, тоже угощайся, – предложила Катя Светлане.

– С удовольствием! – сказала она, вытаскивая вилку.

Доставшуюся мне куриную голень я обглодал в мгновение ока. Это действительно было настоящее мясо, пусть даже и холодное, но не ставшее от этого менее вкусным. Же-

лудок радостно заурчал, принимая еду, и я тут же подбодрил его кусочками варёного картофеля, присыпанного солью. Тем временем на столе появились огурцы и помидоры. Катя быстрыми взмахами рассекла их на четвертушки. Её кухонный нож, судя по всему, точившийся годами, напоминал старинный итальянский стилет.

– Боже, как же вкусно! – восхитился я.

– Ага, спасибо! – улыбнулась мне Катя. – Эту курицу готовила моя незамужняя дочь!

Светлана засмеялась, бросая в мусорный пакет кость.

– Надо тебе жениться на хорошей девушке, – согласилась она. – Тогда не придётся ездить, питаясь печеньем!

Мне польстили слова моих соседок. Я вспомнил, как в двадцать один год, будучи уже отчисленным из университета в первый раз, поступил на филологический факультет, где целых два семестра проучился в обществе очаровательных девушек, у которых вызывал лишь сестринский инстинкт. Это было трагично. К счастью, эти танталовы муки длились недолго: я, как обычно, не очень хорошо сдал сессию, после чего пришлось покинуть девичье царство, расставшись с мечтами о филологическом будущем. С тех пор меня водили кривые окольные тропы, которые спустя годы привели в дивный новый мир плацкарта будущего, где я оказался более востребован как мужчина, нежели в мои времена.

– Всегда ежу с большими запасами, – ничуть не покривил душой я, – но вот эта поездка получилась очень нежиз-

данной. Ещё утром, на рассвете, даже не догадывался, что придётся ехать.

– Слушай, – спросила Катя, – так зачем всё-таки тебя позвали в Москву? Что там будет?

Я пожал плечами. Мне не хотелось обманывать своих собеседниц.

– Даже не знаю. Приеду, и мне всё скажут, – неопределённо сказал я. – Видимо, там понадобилась моя историческая консультация. Поэтому я сразу поехал, даже не успев собрать багаж.

– Правильно, – сказала Катя. – В Москве деньги платят.

– Раз уж тебя позвали, – заботливо сказала Светлана, – хватайся там за любую возможность. Может, в люди выбьешься, станешь москвичом. Будь я гражданкой Москвы, мне бы до пенсии оставалось всего три года!

– У меня вот так знакомая в сорок втором бросила всё и переехала туда, – согласилась с нею Катя. – Вышла замуж за какого-то москвича родом из Рязани и получила их паспорт. Её муж работал в службе по надзору за нравственностью и семейными ценностями. Устроил её к себе начальницей подросткового отдела. Она сидела в кабинете и раз в неделю подавала наверх отчёты о длине юбок московских старшеклассниц в каком-то районе Дегунино. Получала шестьдесят тысяч, и это сразу после деноминации! Ну не свинство? Мне тогда на водочном заводе восемь платили и говорили, что и так слишком много.

– Шестьдесят тысяч – это сильно, – согласилась Светлана. – У сына одноклассник после школы пошёл в полицию. Проработал несколько лет, в сорок восьмом, как Забайкалье после перевыборов сдали, ему выделили квартиру. Сейчас получает тысяч за тридцать; недавно пригнал новые «Жигули» прямо с завода в Тольятти.

Я внутренне содрогнулся, то ли от разнообразия вариантов карьеры, то ли от мысли о человеке, специально пригоняющем в Калининград «Жигули» с завода. Это почему-то казалось мне кощунством. Наверное, так бы в моё время жители Краснодара посмотрели на горожанина, заказывающего помидоры из подмосковных теплиц.

– А что, других вариантов работы вообще нет? – поинтересовался я.

Светлана посмотрела мне в глаза.

– Ну, как ты видишь по нашей жизни, – сказала она, – да, пожалуй, и по своей, то с другими вариантами скверно. Вот, посмотри на меня. Всея семьёй с мужем, сыном и невесткой держимся за магазин, потому что больше ничего нет. Треть денег уходит на налоги, треть на взятки, чтобы не закрыли пожарники или санитары, на остаток – живём...

– У вас в Калининграде хоть какая-то работа есть, – возразила ей Катя. – Кем-нибудь, да устроишься. А у нас в Черняховске совсем голо. Один мяскокомбинат остался.

– А там плохо? – спросил я.

Катя снова пожала плечами.

– Плохо, – с видимым равнодушием сказала она. – Стоишь до одури у конвейера с утра и до вечера, надеясь, что не оштрафуют. Ног потом не чувствуешь. Я так пять лет проработала. Выпускали мы там колбасу «Кайзеровская», по оригинальному немецкому рецепту 1918 года. Половина гороховой муки, четверть сала, четверть мясного сока. Так её закупали даже из России, говорили, что это единственная доступная по деньгам колбаса, от которой едока не рвёт.

Я вспомнил вкус бутерброда и содрогнулся.

– Как-то нам позвонили из Калининграда и сказали, что колбаса называется непатриотично, москвичи из пищевого надзора недовольны. Мы переименовали колбасу в «1918 год», через три дня позвонили уже из Москвы, прямо из Агропрома, с той же претензией и долго ругались. Назвали её «Императорской», позвонили из прокуратуры и пригрозили статьёй за оскорбление государственной власти. Так что пришлось назвать «Черняховской»...

– А как платили? – поинтересовался я.

– Плохо платили, – сказала Катя, съев кусочек огурца. – Черняховск маленький, работать негде, поэтому директор зарплату не поднимал. Давал он двенадцать тысяч в месяц, рассказывал нам сказки про то, что в стране кризис, налоги, проверки, дохода мало... Мне бухгалтерша говорила, что липа всё это, кризис кризисом, но себе он поставил на бумаге зарплату в двести тысяч. Так-то, конечно, он больше получал. Мне надоело, я ушла и не жалею.

– А водочный? – спросил я. В мои времена там делали неплохие коньяки. Собственно, с бутылочкой одного из них я и сидел в одно далёкое утро на берегах Преголи.

– А его ещё в сорок седьмом закрыли, – сказала Катерина. – Там тоже плохо было. Платили как и на мясокомбинате, ну, может немного больше. До деноминации получала восемь миллионов, после – восемь тысяч. Очень вредное производство, почти как химзавод. Работала я там давно, как только из декрета вышла, и у меня постоянно ногти слоились. Ну, оно и понятно, ведь там всё делают из древесины...

– Это как? – поинтересовался я.

– Из «гидрашки», гидролизного спирта, – пояснила Катя. – Зерна ведь даже на хлеб не хватает. Вот мы и разливали. По крайней мере, лучше архангельская «гидрашка», чем воронежская «резинка». Пригоняли к нам две цистерны из Архангельска, мы в них добавляли что-нибудь, чтобы, простите, тошнить не хотелось... по крайней мере, сразу... и разливали по бутылкам. Рецепт коньяка по ГОСТу: спирт гидролизный «Люкс» идентичный пищевому, колер сахарный, ароматизатор коньячный идентичный натуральному, сахар и лучшая фильтрованная вода из Анграпы. Ну, а этикетку наклеивали, которая требовалась. Хоть «Россия», хоть «Заря Крыма», хоть «Полководец Кутузов».

Я содрогнулся при одной мысли о вкусе этого ханаанского бальзама.

– Да, именно так, – тоже поморщившись, сказала Катя. –

Сама я пробовать это так и не рискнула, здоровье было дороже. Грузчики говорили, что на вкус это как раствор Люголя. По их словам, из всего, что мы выпускали, можно было пить, точнее, употреблять только газированную водку. В ней хотя бы не было лишних добавок, и она быстро опьяняла маленькой дозой. В случае, если партия оказывалась бракованной, выпитой порции было недостаточно для того, чтобы отравиться...

Она на секунду замолчала, словно вспоминая что-то.

– Неплохой коньяк «КВВК» выпускают у вас на спиртозаводе, – продолжила Катя. – Так и называется: «КВВК», Калининградский вино-водочный комбинат. Его делают из натурального картофеля, поэтому он стоит очень дорого. Из того же картофеля готовят водки «Верхнее озеро» и «Нижнее озеро». Их даже продают в большую Россию. Говорят, эти водки различаются тем, что для первой берут воду из Верхнего озера, а для второй, соответственно...

– Понятно, – сказал я, вспоминая, что вышеозначенный комбинат располагался как раз возле этих двух озёр. – В общем, буду цепляться в Москве.

– Обязательно, – сказала Катя. – Вот, у меня дочь два года назад школу закончила. Выдали ей диплом о высшем образовании психолога, и что дальше? Работы нет никакой. Она постоянно плачет и говорит, что не хочет всю жизнь провести на огороде, а мне даже сказать ей нечего!

– Вы ещё вовремя закончили, – сказала ей Светлана. –

У меня внучка в следующем году должна в школу пойти, а тут ввели правило: нужно обязательно купить сертифицированную форму за пятьдесят тысяч. Ладно, бирки-то я могу перешить, это не проблема, но вот где взять сертификат? А ведь без него в школу не пустят! И ладно бы ещё там учили хорошо! Сейчас везде одно и то же, из бесплатного остались только основы религиозной культуры, нравственность, патриотическое воспитание, сельхозподготовка...

Перечисляя бесплатные уроки, она загибала сухие и тонкие пальцы правой руки. Закончив, Светлана грустно посмотрела на свой кулак и договорила:

– Наша школа дорога и бесполезна. Зачем она вообще нужна? Проще самому учить. И дешевле.

Её перебило гневное покашливание интеллигента. Снобизм нашего соседа по боковушке куда-то делся, уступив место праведному возмущению. Похоже, теперь эмоции прорывались с самой глубины его души.

– Что значит «зачем нужна школа»? Как вы не понимаете, – его усы дрожали не то от гнева, не то от возбуждения, – что в наши дни, когда Россия вынуждена противостоять всему миру, патриотическое воспитание – единственное, что может оградить наших детей от разлагающего дыхания Запада? Может быть, вы хотите, чтобы вернулись дикие времена вашей молодости? Видимо, вы их стали забывать! Я учился в школе, и, если бы я захотел стать, к примеру, панком, никто бы меня не остановил! Я мог бы прослав-

лять анархию, пить портвейн, ругаться матом, носить на спине британский флаг, и...и... Я мог бы стать готом, носить чёрное пальто, слушать депрессивную музыку чуждой нам культуры и красить глаза. Я мог бы стать хиппи...

Ну у него и память, подумал я, слушая о тех опасностях, которые благополучно обошли стороной этого петербургского мыслителя.

– И мне страшно представить, – зловещим шёпотом произнес он, – что если бы я захотел, то мог бы стать *содомитом*! Я мог бы предаваться манящему сладострастию восточных плотских утех, и никто бы мне этого не запретил!

Мы втроём в гробовом молчании слушали его тираду. Наш сосед прервался, не то, чтобы вдохнуть, не то, чтобы успокоиться и прогнать признаки прошлого. Стук колёс, словно свежий воздух, ворвался в нашу беседу. Катя было приготовилась что-то сказать, но Светлана остановила её лёгким прикосновением возле локтя. Я снова увидел, как плотно сжались её губы.

– Не надо, – тихо шепнула она. – Мы в поезде... Молчи...

– Поэтому, – продолжил несгибаемым тоном сосед с рыжими усами, – можно только порадоваться тому, что наша страна приняла меры самозащиты. Нам не нужен европейский путь. Школа защищает наших детей, молодых и уязвимых, обучая их тому, что жизненно необходимо, даже если для этого приходится немного сократить обычные пред-

меты. Математика не спасёт от пропаганды врага. Нам нужно знание того, что Россия сейчас противостоит всему миру в необъявленной войне. Вы не хотите суверенитета нашей страны? Может быть, вы желаете, чтобы ваш сын стал *содомитом*? Или чтобы ваша дочь стала *блудницей*?

– Следи за словами, – очень зло сказала Катя, не обращая внимания на встревоженный взгляд Светланы. – Я хочу, чтобы мои дети жили как люди, а не как мы.

Боковушечник вздохнул.

– Вы ничего не понимаете, – сказал он, набрав побольше воздуха в грудь. – Вы не видите дальше своих узких субпассионарных интересов. Вы не отдаёте себе отчёта, как Запад день и ночь ищет любую лазейку, чтобы подкопать традиционные ценности нашего народа и обрушить нашу национальную идентичность. Вы готовы предать родину за кусок хлеба, но взамен получите лишь европейские псевдоценности, чуждые нашей культуре и разрушающие её, подобно ржавчине. Избыток свободы опасен. Даже сейчас в стране слишком много либерализма. Я знаю, о чём говорю, ведь уже двадцать лет я веду во дворце молодёжи уроки патриотизма и любви к родине, защищая наших детей и наше будущее от таких национал-предателей, как вы. Я учу детей играть на балалайках и плясать вприсядку, чтобы они хранили свой культурный код. И я больше не скажу ни единого слова, потому что не в моих правилах метать жемчуг перед теми, кто не оценит его...

В проходе вагона послышались быстрые шаги. Я увидел, как лицо Кати стремительно каменеет, и обернулся.

– Лейтенант полиции на транспорте П., – представился суровый парень в серой форме, входя в наше плацкартное купе. Он был среднего телосложения и чуть моложе меня. На стриженной голове плотно сидела фуражка. – Вы тут политикой занимаетесь?

Я притворился умывальником. К счастью, Катя взяла удар на себя.

– Нет, – злым тоном сказала она. – Мы вообще молчим.

– Они вели разговоры, – упрямо сказал сосед с рыжими усами, – о том, что сейчас плохо.

– Значит, о том, что сейчас плохо, – повторил лейтенант и посмотрел на Светлану с Катей. – Есть такая статья, называется «Несанкционированный митинг». До семи лет, но вы находитесь в общественном месте, что является отягчающим обстоятельством. Меру наказания определит суд, а вот я могу прямо сейчас поставить каждой из вас в паспорт штамп о неблагонадёжности. По прибытии на ближайшую станцию вы будете помещены в Единый федеральный список неблагонадёжных граждан, что приведёт к значительному ограничению ваших гражданских прав и свобод...

Лейтенант явно зачитывал этот текст по памяти, произнося его чуть ли не скороговоркой. Катя недобро смотрела на него.

– Не гляди так на меня, – сказал полицейский, закончив

длинное предложение, повествующее о судьбе человека, попавшего в федеральный список неблагонадёжных граждан. – Я на службе.

– Никакого митинга не было, – торопливо сказала Светлана. – Мы говорили о том, куда пойти учиться детям. Сравнивали школы, и всё.

– Значит, не было, – уточняяще протянул полицейский. – Не было, да? Давайте тогда проведём выборочную проверку документов в целях соблюдения транспортной безопасности.

Катя и Светлана с мрачными лицами потянулись за сумками, извлекая паспорта и сложенные листы каких-то официальных бумаг. В этот момент с лёгким щелчком ожили динамики вагона.

– Уважаемые пассажиры! – сообщил голос. – Говорит начальник поезда Калининград – Москва. Сообщаю, что мы благополучно покинули территорию Литвы и в настоящий момент пересекли границу Минской Государственной республики. Благодарю вас за гражданское мужество, проявленное в процессе транзита территории враждебного нам государства!

Я сидел в углу, стараясь не привлекать к себе внимания. Верхняя полка закрывала от меня голову лейтенанта.

– Так, Светлана Валерьевна, федеральный общегражданский номер 39-00-282-451... – неторопливо произнёс полицейский. – Разрешение на временный выезд с места прожи-

вания, справка о благонадёжности, ознакомление с правилами передвижения, свидетельство об инструктаже... Оплата пошлин за пользование казёнными путями железнодорожного сообщения... Почему у вас в акте о благословении поездки чек из церковной кассы прикреплён скрепкой вместо требуемой неразъёмной скобы? Почему неразборчивая подпись на разрешении о въезде в Москву? Почему штамп поставлен вверх ногами? Это – небрежное оформление документов на право передвижения поездом дальнего следования. Штраф две тысячи.

Светлана плотно сжала губы, но ничего не сказала.

– Теперь ваша очередь, Екатерина... Кестутисовна... ну у вас и отчество... федеральный номер 39-19-265-410... Разрешение, справка... Почему у вас флюорография пройдена не по месту жительства? Это означает, что вы едете поездом дальнего следования с недействительной медкомиссией. Своей безответственностью вы подвергаете опасности здоровье остальных пассажиров. Штраф пять тысяч.

Губы Кати чуть шевельнулись. Вагон безмолвствовал.

– Так, а твои документы? – спросил полицейский, поворачиваясь к соседу с рыжими усами. Тот, недовольно фыркнув, протянул бумаги, вложенные в бордовую книжечку паспорта. Я обратил внимание, что там, помимо государственного герба располагается ещё и изящный силуэт Петропавловского собора.

– Антон Георгиевич, номер 78-10-175-121... – равнодуш-

но произнёс полицейский, разглядывая паспорт.

– Я как раз выступал с полной поддержкой государственной политики в сфере образования! – торопливо заявил наш сосед.

– Слишком громко ты выступал, – строго возразил ему полицейский. – Плацкарт – не место для дискуссий. В правилах следования написано: пассажир не имеет права обсуждать вопросы политического характера, а тебя слышал весь вагон. Штраф двадцать тысяч за нарушение правил.

– Сколько? Что вы себе позволяете?! – возмутился человек с рыжими усами. – Вы не имеете права! Я гражданин Петербурга!

– Если ты сейчас же не прекратишь создавать проблемы, – сказал ему полицейский, – то у тебя будет не двадцать тысяч за разговоры, а год за одиночный пикет.

Такая перспектива изрядно напугала нашего рыжеусого соседа.

– Но ведь я же всецело поддерживал государственную политику! Я не из пятой колонны! Какой штраф? Какой пикет? Это невозможно! Я требую немедленно вызвать петербургского консула!

Полицейский как-то оглянулся, словно проверяя, не следит ли кто за ним. Излишне было говорить, что в плацкарте это движение носило чисто символический характер.

– Замолчи, – резко и негромко сказал он рыжеусому. – Иначе ты сейчас договоришься до того, что за тобой придут,

откуда надо, и упакуют лет на десять туда, куда не надо.

Эта угроза подействовала моментально. Рыжеусый замолчал, лишь блеск глаз выдавал его крайнее возбуждение. Он дважды дёрнул усами, словно пытаясь что-то прожевать.

Полицейский, уперев руку в бок, повернулся, шагнул ко мне и пристально посмотрел мне в глаза.

– А ты что сидишь? Документы показывай.

Похоже, я приехал.

Нужных бумаг у меня не имелось. Служебный билет, который, по словам, мог как-то помочь мне, был сдан проводнице. У меня в сумке лежал загранпаспорт, но я ещё не забыл то, как на него отреагировал банкир, и, судя по беседе с моими соседками, показывать подобный документ было бы явно неосмотрительно. Учитывая скорость, с которой прогрессируют выписываемые полицейским штрафы, можно было предположить, что мой паспорт обойдётся мне как раз в двести тысяч свежеполученных рублей.

Ситуация приблизилась к безвыходной. Классики были правы: коньяк и дамы доведут до цугундера. Не пойдя я вчера, сорок лет назад, пить вместе с переводчицей, то сейчас отдыхал бы дома после пяти пар нагруженного учебного дня, а не ехал бы полузайцем в плацкарте будущего. Но сожалеть было поздно.

Вздохнув, я полез в сумку за загранпаспортом. Я уже доставал его, как вдруг в нашем плацкартном купе появился ещё один человек, одетый в синюю парадную форму желез-

нодорожника. На нём были напускная озабоченность и деловитость.

– Здравствуйте, – сказал он мне, вставая на место лейтенанта, который чуть отступил назад. – Я – Петр Константинович, начальник поезда. Вячеслав Павлович просил оказывать вам содействие. Я уже было приходил, но вы спали...

Мне показалось, что даже колёса стали стучать чуть тише. Всё купе сидело или стояло с лицами чиновников из финальной сцены комедии «Ревизор». Глядя на лейтенанта, я подумал, что теперь наступила его очередь притворяться умывальником.

– К сожалению, – продолжил начальник поезда, – все купе в штабном вагоне уже заняты, и нет никакой возможности вас разместить там. Дело в том, что в Москву возвращается большая комиссия из управления по эксплуатации регионов. Нам пришлось даже освободить купе полиции: там едет зять мэра Калининграда с любовницей.

Похоже, гроза миновала.

– Ничего страшного, – ответил я. – Нет необходимости беспокоить эксплуататоров. Я прекрасно доеду здесь.

– Хорошо. Как у вас, всё благополучно? Что-нибудь требуется?

– В принципе, всё нормально, – сказал я. – Только вот документы проверяют. Тут возникло недоразумение, будто мы политикой занимаемся. Это совершенно не так...

– Выборочная проверка безопасности, – сказал началь-

ник поезда, решительно рубанув воздух ладонью. – Не обращайтесь внимания. Я думаю, что здесь всё в полном порядке, не так ли, лейтенант? Сейчас очень сложное и ответственное время, когда все мы должны быть бдительными. В поезде могут быть агенты зарубежного влияния, поэтому для обеспечения должной безопасности движения нам приходится принимать все возможные меры. Если вам что-то потребуется, то обращайтесь сразу ко мне. Можно, конечно, и к любому из менеджеров поезда, но они бесполезны. Лейтенант, пойдёмте.

Люди в форме ушли через молчащий плацкартный вагон. Раздался гудок тепловоза и поезд начал сбавлять ход. Мы прибыли на станцию Гудогай, оставив Литву позади.

Молодечно

Октябрьские сумерки готовились уступить место ноябрьской ночи. Все облака остались позади, над Калининградом. Абсолютно чистое небо превратилось в один большой цветной переход от персиковых красок западной зари до насыщенно-синего востока, где уже светились звёзды. По небу, жалобно крича, пролетела незнакомая мне птица.

Я спустился вслед за Катериной на перрон, вымощенный декоративными плитками, и огляделся. Вслед за мной вышла Светлана. На улице уже было весьма прохладно.

– Я не знаю, кто ты, – сказала Катя, глядя прямо на меня, – но большое тебе спасибо.

– Не за что, – сказал я. – Если честно, я сам не знаю, кто я, но давайте пойдём куда-нибудь подальше отсюда.

– Хорошая мысль, – мрачно сказала Светлана.

Мы пошли по перрону. Многие пассажиры, устав от путешествия, тоже ненадолго покинули поезд, и на станции сделалосьлюдно, словно у входа на футбольный стадион перед матчем. Фонари горели пронзительным мандариновым светом. На здании станции размещался большой, шесть на три метра, плакат с бело-зелёно-красным флагом. Зелёный цвет был приятного тёплого оттенка ростков молодого бамбука. Надпись золотого цвета гласила:

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МИНСКУЮ ГОСУДАРСТВЕННУЮ РЕСПУБЛИКУ!

Сбоку от станции был разбит небольшой декоративный сквер с елями. Фонарь здесь почему-то не горел. Перед круглой клумбой стоял гранитный валун с прикреплённой табличкой. За ним возвышались два флагштока. От растений, что цвели на клумбе летом, остались только пожухлые печальные ростки, торчащие из земли, словно проволока из полуразбитой гипсовой скульптуры.

Мы остановились под двумя повисшими в безветрии флагами. Один из них был российским триколором, второй – бело-зелёно-красным.

– Курите? – спросила Катя, доставая пачку сигарет из кармана куртки. Я отрицательно покачал головой.

– Бросила, но буду, – сказала Светлана, беря предложенную сигарету. Я разглядел, что это была самокрутка. – Меня до сих пор трясёт.

Катя достала спичечный коробок. Первая спичка сломалась в её пальцах, а вторая просто не зажглась. Прикурив с третьей попытки, она передала коробок Светлане. Две женщины ещё раз посмотрели на меня.

– Слушай, так кто же ты? – спросила Светлана, затянувшись и резко выдохнув. Запах сигаретного дыма был крепковатым, но в целом приятным. Я пожал плечами. Сказать было нечего. Обманывать моих соседок мне не хотелось.

– Я историк, которого позвали консультантом в Москву.

Мне дали служебное место для поездки, так что тут не моя заслуга.

– Просто так служебное место не выдают, – сказала Катя.

– Значит, кому-то сильно нужна моя консультация.

Фонарь, стоявший в сквере, внезапно моргнул и начал разгораться. Отброшенные нами тени были короткими и резко очерченными. Катя затаилась ещё раз, покачав головой. Я так и не понял, что в данном случае означал этот жест.

При свете фонаря стала видна надпись на табличке:

ЗДЕСЬ, В РАЙОНЕ ОСТРОВЦА И ГУДОГАЯ

18 АПРЕЛЯ 2031 ГОДА

БЫЛИ СОЕДИНЕННЫ 1-Й И 2-Й МИНСКИЙ
УЧАСТКИ

ВЕЛИКОЙ ПОГРАНИЧНОЙ ЗАЩИТНОЙ ЛИНИИ
«ЗАСЕКА»

– Флюорография им пройдена не по месту жительства. Заразы, – внезапно сказала Катя, выделяя букву «з». – Я три раза моталась в Калининград ради этой медкомиссии, потому что у нас в Черняховске уже лет пять как рентген не делают. Все нормально ездят с калининградской флюшкой, а тут взяли и докопались...

– Вас действительно могли бы посадить? – внезапно спросил я. Светлана молча курила, глубоко затягиваясь. Катя покачала головой.

– Штраф бы выписал за неоформленные бумаги, чтобы

припугнуть, и на этом всё, – сказала она. – У меня муж работал инженером на железной дороге, так что я всю эту систему знаю. Если вдруг начнётся следствие о митинге или пикете в поезде, то сразу придут из опричной службы и спросят: кто допустил неблагонадёжных лиц в вагон? Кто не обеспечил должного надзора в пути? Кто позволил митингу начаться? Ну, и так далее. За такое дело в вагоне со всей поездной бригады снимут квартальную премию, выпишут каждому по три штрафа, и хорошо ещё, если никого не снимут с должности. Так что это он нас напугать хотел, чтобы мы молчали до самой Москвы.

Она затянулась ещё раз, после чего тихо выругалась словами, которые люди не употребляют от хорошей жизни.

– Нас-то что пугать, – недовольно сказала Светлана. Она уже выкурила свою самокрутку до половины. – Мы ведь ехали аккуратно, тихо, никому не мешали! Тут соседа укусила какая-то муха, и он раскричался на весь вагон...

Катя согласно кивнула, резко выдыхая сигаретный дым.

– Плохо то, что с ним ещё до Москвы ехать, – сказала она. – Чувствую, мы ещё натерпимся.

Мы снова замолчали. Светлана осмотрела свою самокрутку.

– Табак у тебя крепкий, – заметила она. – Непривычно. Это ваш?

– Да, из теплицы.

– Давно не курила хороших сигарет.

Мы замолчали. Я обернулся, чтобы посмотреть на состав. Отсюда он казался длинной трёхцветной лентой, уходящей в сторону заката. Сделав пару шагов и обогнув ель, я увидел вблизи тепловоз, на боку которого крупными буквами значилось «Калининградская дирекция тяги».

Тепловоз был явно не новым. Узкие смотровые щели окон делали его похожим на локомотив бронепоезда. На его передней стороне располагался позолоченный полутораметровый двуглавый медведь и барельефная надпись «Россия». В медвежьих глазах неярко светились красные лампочки. По всей видимости, во время движения это выглядело достаточно зловеще. Чуть ниже, прямо под позолоченным медведем, к путеочистителю локомотива крепился большой металлический щит с надписью «MES SUGRĪŅĪME»³. Двое рабочих откручивали крепления щита гаечными ключами, точно это был оберег, необходимый лишь на время транзита. По перрону со стороны хвоста поезда продвигалась целая бригада железнодорожников, снимая со ставней громадные замки и открывая окна. Металл лязгал и скрипел.

– Дзень! – обходчики проверяли исправность колёс ударами молотков на длинной ручке. – Дзень!

Звон молотков словно пробудил меня. Куда я вообще попал? Что происходит вокруг меня в этом странном будущем? Я понял, что этот удивительный мир начинает проникать в меня и что я начинаю чувствовать себя его неотделимой

³ «Мы вернёмся» (лит.)

частью, а ведь прошло от силы шесть или семь часов.

Я попробовал вспомнить Человека в чёрном, стараясь зацепиться за него словно за якорь. Кто же он? Человек ли он вообще? Он называл себя неофициальным лицом и сообщал, что не относится к нечистой силе. На нём был чёрный идеальный костюм без каких-либо отличительных примет или знаков. Серебряную застёжку саквояжа украшал герб с лосиным рогом – знак Восточной Пруссии. Что это могло значить? Имел ли этот знак какое-либо отношение к столь грозному будущему? Что это за лосиная жуть, в которой я оказался?

На эти вопросы у меня не было ответа. Я вернулся к клумбе, и ель закрыла от меня бронированный локомотив.

– Такое ощущение, – помедлив, сказал я, – что мы ехали в столыпинском вагоне.

Катя затянулась. Огонёк сигареты был точно такого же цвета, что и лампочка в глазах локомотивного медведя. Невдалеке двое железнодорожников, тяжело дыша, пронесли снятый щит с надписью на литовском языке.

– Так это и есть столыпинский вагон, – сказала она. – Ты думаешь, эти ставни закрывают, чтобы защитить нас от литовцев? Нет, они нужны, чтобы никто не сбежал по пути. Машинист, друг моего мужа, рассказывал, что когда они едут по Литве, то в кабине локомотива за спиной стоят трое людей из спецслужб и следят, чтобы он не угнал поезд.

– Трое на одного машиниста?

– Они из разных контор. Опричники, тайная полиция и военная разведка. Следят друг за другом, чтобы никто не смог договориться и сбежать. Это уже лет тридцать, с тех пор, когда закрыли границы. Наш поезд стал «экспрессом наружу». Люди, которые хотели уехать, начали сбегать во время поездок. Разбивали окна, вылезали на крыши и прыгали, когда состав проезжал над реками или возле озёр...

По перрону нестройным шагом прошли четверо солдат. Армейская клетчатая камуфляжная форма за сорок лет изменилась не очень сильно, но на солдатских нарукавных нашивках была неизвестная мне эмблема в виде медведя, спрятавшегося в зарослях василька и недружелюбно смотрящего влево. Под эмблемой шла столь же незнакомая мне аббревиатура «ОКРАМ». На брезентовых ремнях за спинами солдат висели чёрные автоматы.

– Первый, я седьмой, – протрещала рация у одного из солдат. – Эшелон досмотрен. Можно пускать.

Солдаты прошли дальше, и Катя, опустив руку с сигаретой, договорила:

– Вот это и прекратили. Приварили ставни, которые закрывают на всё время транзита. В пятьдесят пятом году какой-то москвич хотел сбежать, взорвав порохом окно в туалете вагона. Ставню заклинило, и он не пролез. Ему дали пятнадцать лет за терроризм. Громкое было дело. Из-за этого сменили руководителя нашей железной дороги, прислали

нового из Москвы. Он немедленно перетащил к себе всех своих друзей, и они тут же начали имитировать бурную деятельность. У меня ведь муж пятнадцать лет инженером-путейцем работал. Вызвал его один такой молодой да амбициозный начальник в кабинет и сказал: вот, так и так, мы тут усиливаем безопасность дорожного следования, а у тебя жена иностранка по деду. Или разводишься, или пиши заявление по собственному желанию.

– И как? – спросила Светлана.

– Ну, развёлся фиктивно, – коротко ответила Катя. – А его потом всё равно через месяц уволили, мол, был женат на иностранке по деду. Мне тогда на мясокомбинате третий раз подряд зарплату недоплатили. Сначала два месяца штрафовали за невыполнение плана, а на третий раз, когда я его всё-таки выполнила, сказали «что-то много ты заработала» и снова оштрафовали за неформенную одежду. Вот и я ушла с работы. И мы всей семьёй поехали на хутор.

Повеяло ветром. Флаги над нашими головами ожили. До моих ноздрей донёсся запах угольного дыма, и я вспомнил, как когда-то в детстве стоял у котельной на краю болот. Наверное, подумал я, от этой котельной сейчас не осталось даже кирпичей. Тот район начинали застраивать: судьба небольшого здания с выложенными на фронтоне цифрами «1952» казалась предрешённой.

Поездная бригада с молотками возвращалась по перрону. Холод уже вернул многих пассажиров в вагоны. Я потёр

озябшие руки и убрал их в карманы куртки. Катя бросила окурок в урну.

Громкоговорители сообщили, что скорый поезд Калининград – Москва отправится через десять минут. Из дверей станции вышли несколько железнодорожников, о чём-то разговаривая между собой.

– После того, что было, даже возвращаться не хочется, – сказала Светлана.

– Ага, – сказали мы одновременно с Катей.

Медленно и нехотя мы отправились назад, к вагону. Только сейчас я увидел, что в дальнем конце станции возвышается смотровая вышка. На фоне закатного неба вырисовывался силуэт человека с биноклем. Хорошо, что не с оружием. Почему под этим прекрасным персиковым небом так плохо жить людям?

Я задумался о тех жизнях, которые прожили за эти сорок лет две мои новые знакомые. Это было сложно. Мне удалось только представить Светлану в молодости на рок-концерте. С жизнью Кати было ещё труднее. Воображение нарисовало её с двумя длинными хвостиками рыжих волос, а это было совершенно не то. Я на секунду закрыл глаза, вспоминая взгляд девочки из шестнадцатой школы, переходящей дорогу перед инкассаторским автомобилем, где ехал я. Что видела эта девочка за свою жизнь? Что она увидит в будущем?

Ну, а что мне говорил Человек в чёрном про возвращение? Он хотел прийти за мной, тогда, когда без него будет

не обойтись. У меня сложилось отчётливое впечатление, что этот момент наступал уже минимум пару раз, но Человек в чёрном не появлялся. Я твёрдо решил, что когда вернусь (если вернусь, тут же сказал я сам себе), то непременно найду Светлану и постараюсь спасти от такого будущего. Хорошо бы спасти и Катю, если она уже родится к тому времени. Да что там мелочиться, нужно попробовать спасти всех, кого только удастся. Но как?

Уже знакомый мне лейтенант полиции стоял у входа в вагон, где наш патриотический сосед оживлённо беседовал с каким-то благообразного вида мужчиной с бородкой.

– Да как же вы не понимаете, что Петербургу был просто *не нужен* главный храм, построенный по католическому образцу! – гневно обращался к своему собеседнику интеллигент с рыжими усами. – Люди, приходя в православный собор, оказывались в католическом костеле! Исаакиевский собор до своей перестройки был кинжалом, воткнутым в самое сердце нашего общества...

– Я вам ещё раз повторяю, что религиозные диспуты запрещены правилами следования... – возражал полицейский. Сейчас его тон был менее напорист, чем во время транзитного путешествия по Литве.

– Начальник поезда уже сказал вам, что всё в порядке, так что будьте любезны не мешать нам, – отмахивался от него патриот с рыжими усами, поворачиваясь к собеседнику с седой бородкой клинышком. – ...Неужели вы не видите того,

что архитектор построил под личиной традиционного русского православного храма католическую церковь, из которой так и сквозит филиокве⁴? Вы понимаете, какой был нанесён удар по нашей духовности и традиционным ценностям?..

Спорщики не обратили на нас ни малейшего внимания. Пропустив дам вперёд, я ухватился за поручень и начал подниматься по ступенькам. Уже оказавшись в вагоне, я пробормотал сам себе:

– Это вопрос экуменического толка.

Вагон приятно встретил нас тёплым, но слегка душным воздухом. В коридоре было движение. Небритый мужчина в гамашах заливал кипятком из титана лапшу быстрого приготовления, и её резкий запах разносился вокруг. На одной из боковушек абсолютно по-домашнему расчёсывалась длинноволосая молодая девушка, одетая в спортивные брючки и футболку.

Мы сели в своём купе, не говоря ни слова. За нашим окном, в метре от поезда, виднелся зелёный бок товарного вагона. Грузовой состав стоял на соседнем пути. Белые трафаретные буквы извещали, что внутри находятся шестьдесят тонн зерна. Чуть ниже располагался стилизованный под колос логотип «АГРОПРОМ». Дальше снова шли трафаретные буквы, сообщавшие, что зерно является националь-

⁴ Вопрос исхождения Святого Духа от Бога-Сына. Фундаментальное разногласие между православием и католицизмом (*прим. авт.*)

ным достоянием России, и попытка кражи будет строго... Из окна последнюю строку не удавалось разглядеть, и я так и не узнал, что же строгое произойдёт в таком случае.

Вернулся сосед с побелевшим от холивара лицом. Резкими, рваными движениями он залез под простыню и уткнулся в книгу.

– Как он смеет!.. – донёсся страшный шёпот из-за кожного переплёта. – Называть меня лимитой!.. Да мой род живёт в Колпино уже сотню лет!..

Вагон с зерном за окном медленно поплыл назад. Ах, нет, это, на самом деле, поехали мы. Поезд начал свой путь так мягко, что я даже ничего не почувствовал.

За окном боковушки появилось и тут же исчезло здание станции. Проревел гудок локомотива, и поезд начал набирать ход. Мелькнул какой-то переезд, где за шлагбаумом одиноко стоял грузовик. Вагон слегка качало в стороны. За окнами почти сразу начался лес. Снаружи уже было темно. Свет, падающий из окон, пропадал на ветках деревьев.

– Что-то всё равно есть хочется, – сказал я. – Пожалуй, я заскочу в вагон-ресторан и чем-нибудь подзакушу.

– Там же дорого! – сказала Светлана.

– Я посмотрю что-нибудь самое дешёвое, а то мне совесть не позволяет питаться только вашими припасами, – сказал я, поднимаясь с полки. – Я скоро вернусь.

У меня было искушение сообщить рыжеусому поборнику нравственности, что по сведениям локомотивной бригады

где-то в нашем поезде притаился *содомит*, но я сдержался. Скорее всего, после этого он бы в ужасе забаррикадировался вместе с ханом Батыем до утра в вагонной уборной, а у меня были свои планы на эту маленькую комнату: после слов Светланы про «хитрого дельца банкира» мне хотелось пересчитать деньги. Сделать это в банке я не успел, а продемонстрировать двести тысяч в плацкарте было бы слишком авантюрной идеей.

Я ещё не бывал в этом конце вагона. На стене одним краем держалась наклейка «Ведётся видеонаблюдение». Глазок камеры под потолком был наглухо замазан какой-то чёрной пастой.

Ватерклозет был свободен. Я перешагнул через порог и, захлопнув за собой дверь, повернул никелированную защёлку. Металл был холоден и твёрд.

Практически все детали поезда сделаны добротно. Металлический крючок для одежды вполне может выдержать вес пудовой гири. Окна представляют собой надёжную конструкцию, которая устоит даже перед ударом ноги. Верхние койки подвешены на металлических цепях, способных удержать на якоре небольшой катер. Ну, а замок вагонного туалета смотрится и ощущается так массивно, что его можно смело поставить на гаражную дверь. В эпоху хлипких пластмасс, гипсокартонных стен, мебели из прессованных опилок и натяжных полиэтиленовых потолков надёжность вагонных конструкций всегда вызывала у меня определённое уваже-

ние.

Мой взгляд скользнул по зеркалу над раковиной. Я был немного небрит, похож на панду из-за недосыпа, светловолос и заброшен в будущее. Последнее являлось не вполне очевидным.

Рядом с раковиной лежала стопка резаной газетной бумаги. На верхнем листке можно было разобрать следующие строки:

«...опровергло недобросовестные сведения западных СМИ о том, что под прикрытием ураганной погоды свыше тридцати российских танков ТН-40 якобы совершили рейд на территорию Эстонии. По словам пресс-секретаря Министерства Обороны, „в таком случае вся Прибалтика была бы наша...“»

С двери ватерклозета на меня строго смотрел президент. Большой ламинированный портрет лидера страны был украшен надписью:

ПРЕЗИДЕНТ ЛЮБИТ ТЕБЯ

Скептически пожав плечами, я открыл сумку и наконец-то приступил к пересчёту денег. Банкир любезно снабдил меня купюрами разных достоинств. За сорок лет казначейские билеты несколько изменились, обретя странную яркость красок. Пятисотрублёвую банкноту украшал крупный портрет Петра Великого в кричащих кислотно-фиолетовых цветах. Прохладно-зелёный цвет тысячерублёвой стал ядовито-броским. Ярослав Мудрый казался заточённым в мала-

хитовой шкатулке. Новую купюру номиналом в две тысячи я рассмотрел повнимательнее. На ней в малиново-бордовых тонах был изображён Минск. Вишнёвая, словно раскалённая в печи статуя Франциска Скорины распахнула руки, приветствуя меня. Я покрутил в руках пачку доселе незнакомых банкнот и пролистал их. Двадцать Минсков слились в один. После сегодняшнего дня новыми деньгами меня уже было не удивить, и я продолжил подсчёт. Пятитысячная купюра почти не изменилась, разве что приобрела морковный цвет. Добавив несколько абрикосовых сторублёвок сдачи с чая и овсяного печенья, я подвёл баланс. Сто девяносто тысяч восемьсот сорок рублей. Банкир не обманул меня. С металлических червонцев в обе стороны зорко смотрел двуглавый медведь, оберегая монеты.

Я ещё никогда не держал в руках столько денег. Моим рекордом были двадцать тысяч, которые мне одномоментно выплатили за полтора месяца работы. Большая в десять раз сумма казалась чем-то невероятным. Я почувствовал себя олигархом. Это ощущение не могло ослабить даже осознание того, что такое невообразимое богатство директор провинциального мясокомбината зарабатывает всего за месяц. Я держал в руках состояние, смутно ощущая лишь слабую тень тех колоссальных возможностей, что давали мне эти ярко раскрашенные банкноты, похожие на фантики.

Я положил несколько разменных купюр в пустующий после ночных прогулок кошелёк и убрал остальные деньги

в сумку к загранпаспорту. Прикоснувшись к нему, я внезапно вспомнил, что обе мои соседки упоминали про московские визы. Надо было посмотреть, есть ли что-то подобное у меня в паспорте. Я бегло пролистал документ.

Сейчас я был гораздо внимательнее, чем тогда, утром, на берегу Преголи, и сразу же заметил небольшую графу «Личный номер», набранную мелким шрифтом в самом верху, между строками «Тип» и «Фамилия». В ней стоял прочерк; возможно, поэтому она и не бросалась в глаза. Будь там вписано жирными цифрами что-то наподобие «39-30-585-125», я бы сразу обратил на это внимание. Итак, я был человеком без номера.

На одной из страниц был вклеен визовый бланк совершенно неизвестного мне образца. Единственными знакомыми мне элементами являлись отечественный триколор и уже ставший привычным двуглавый медведь. Я пробежал глазами по тексту.

РАЗРЕШЕНИЕ НА ВЫЕЗД
С ТЕРРИТОРИИ ПОГРАНИЧНОГО СОЮЗА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И
МИНСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕСПУБЛИКИ

Бланк был заверен чьей-то похожей на спираль подписью и большим круглым штампом красного цвета, на котором, что меня удивило, был изображён двуглавый орёл. На этом оттиске не было ни единой буквы.

Ручку двери кто-то дёрнул. Я с сожалением прекратил разглядывание бумаг и, спешно убрав паспорт в сумку, покинул места общего пользования.

Что же, московской визы у меня не было, но обнаруженный вместо неё бланк вселял оптимизм. Невзирая на определённую строгость законов России будущего, у меня имелся документ, позволяющий выехать из страны. Я сознательно не задавался вопросом, удастся ли мне воспользоваться этим разрешением – как я мог заметить, законы будущего обладали определённой гибкостью в своём правоприменении.

Наступило время отправляться в вагон-ресторан. С каждой минутой всё отчётливее хотелось есть. Несмотря на мой богатый опыт железнодорожных путешествий, я обычно воздерживался от посещения вагона-ресторана. В этот раз у меня с собой не было еды, но зато в изобилии имелись деньги.

Тамбур встретил меня холодом, грохотом и лязгом. У вагонной двери в обнимку стояла парочка. Кажется, моё появление заставило их прервать поцелуй. Увы, плацкарт неудобен ни для пересчитывания денег, ни для любви. Миновав ещё один вагон, где с полок торчали чьи-то ноги, завёрнутые в простыню, словно в портянку, я добрался до цели.

Вагон-ресторан был почти пуст. За одним из столиков сидели двое мужчин затрапезного вида – один в полосатой тельняшке, второй в футболке с надписью «30 лет Госгвардии». Мужчины пили пиво неприятно-жёлтоватого оттенка.

– До чего страну довели, слов нет, – откровенным тоном

жаловался человек в футболке. – Вышел на пенсию по выслуге лет, думал, заживу нормально. В том году говорят: денег нет, убираем надбавку за разгон уральских митингов. В этом году убрали надбавку за безупречность службы. Прихожу на вокзал, бесплатные билеты тоже отменили! А в следующем году, говорят, начнут брать коммуналку!

Я прошёл мимо отдыхающих. На спине жалующегося пенсионера-гвардейца был изображён свирепого вида двуглавый медведь, сжимающий в лапах резиновые дубинки. Под рисунком шёл лозунг:

НЕДОВОЛЬНЫХ НЕ БУДЕТ

– Ты представляешь? – доносился до меня голос гвардейца. – Я в молодости измесил весь Урал, пройдя его со щитом и дубинкой. Мне в Челябинске булыжником ногу сломали. За разгон Миасса дали орден. А теперь у меня полпенсии будет за квартиру уходить? Это вообще куда годится? До чего страну довели проклятые либералы!

Я взял с буфетной стойки меню в обложке терракотового цвета. Неразборчиво бубнил чёрно-белый телевизор, подвешенный под потолком. Экран был скрыт помехами: вместо изображения шёл «снег». Я давно не видел подобного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.